

СЕРИЯ «МЕТРОСТРОИТЕЛЬ БЕЗДНЫ» • КНИГА 2

НЕЙТОН ПАТЧЕР

КОЛЬЦО БЕСКОНЕЧНОСТИ МЕТРОСТРОИТЕЛЬ БЕЗДНЫ

LITRPG • РЕАЛРПГ • БОЕВИК

Нейтон Патчер

**Метростроитель Бездны:
Кольцо Бесконечности**

«Автор»

2026

Патчер Н.

Метростроитель Бездны: Кольцо Бесконечности / Н. Патчер —
«Автор», 2026

Пробив гранитный панцирь литосферы, Илья Берёзкин выходит на прямую орбиту Ядра Планеты. Древний мир начинает коллапсировать под давлением энтропии, грозя похоронить миллионы жителей подземных станций. Чтобы спасти цивилизацию, Илья решает совершить невозможное: соорудить замкнутую кольцевую линию метро прямо вокруг бурлящего гравитационного сердца мира. Класс открывает адамантовое бетонирование пространственных разломов. В финале дилогии бригада Ильи вступит в бой с демиургами недр и превратит погибающую планету в вечный неприступный монолит.

© Патчер Н., 2026

© Автор, 2026

Нейтон Патчер

Метростроитель Бездны: Кольцо Бесконечности

НЕЙТОН ПАТЧЕР

МЕТРОСТРОИТЕЛЬ БЕЗДНЫ:

КОЛЬЦО БЕСКОНЕЧНОСТИ

Серия «Метростроитель Бездны» • Книга 2

Глава 1. У границы Ядра

Двадцать километров вниз от того, что когда-то звалось поверхностью, законы земной физики переставали быть непререкаемой догмой и превращались в предмет затяжного бюрократического торга со Смертью.

Здесь, на стыке базальтового пояса и внешнего панциря Ядра Мира, гравитация вела себя как пьяный стрелочник: то наваливалась многотонной свинцовой плитой, пытаясь расплющить грудную клетку в кровавый блин, то вдруг взбрыкивала, заставляя мелкую кварцевую крошку парить в раскаленном мареве мерцающими ленивыми созвездиями. Температура за бортом давно перевалила за три тысячи градусов по Цельсию, но для Ильи Берёзкина это были лишь сухие цифры на периферии обзора — янтарные строчки телеметрии, пробивавшиеся сквозь густой багровый туман.

Воздуха не было. Была сверхкритическая смесь ионизированных силикатов, серных паров и чистой первородной маны, сжатой до плотности сырой резины. Любой смертный, оказавшись он здесь без благословения богов или хотя бы десятка артефактов высшего ранга, испепелился бы за долю секунды, не успев даже осознать вспышку боли.

Илья же просто стоял на узком уступе из черного, оплавленного до зеркального блеска гипербазальта и неторопливо поправлял левую перчатку своего защитного комбинезона.

Тяжелая композитная ткань марки «Метро-Сингулярность-8М», сотканная из алмазновых нитей и зачарованная рунами девятого круга устойчивости, глухо зашуршала. На стыке рукава и титанового наруча тонко пискнул клапан компенсатора давления, сбросив излишек энтропийного жара коротким сизым плевком плазмы.

Перед глазами Ильи, перекрывая бурлящую в полукилометре под ногами лавовую бездну, ровным золотистым пламенем пульсировал системный интерфейс.

****[ВНИМАНИЕ! Вы достигли нулевого геодезического горизонта сектора «Инферно-Прайм».]****

****[Глубина: 20 048,16 м относительно абсолютного нуля планетарного рельефа.]****

****[Барометрическое давление: 64 200 атм. (Компенсировано пассивным навыком «Проходчик Сверхглубоких Каверн», ранг 12).]****

****[Внешняя температура: 3 412 °С. (Поглощено термоизоляцией костюма: 99,88%).]****

****[Текущий статус персонажа:]****

****Имя:** Илья Берёзкин**

****Класс:** [Верховный Метростроитель Миров] (Уровень 840)**

****Фракция:**** Первое Межмировое Управление Метростроя Бездны
****Трудовой стаж:**** 121 том / 4 190 километров пробитых магистралей
****Текущий проект:**** «Большое Кольцо Бесконечности» (БКБ)
****Генеральный подрядчик:**** Система (Первичный Архитектурный Контур)

Илья усмехнулся одними уголками потрескавшихся, сухих губ. На сто двадцать втором томе его бесконечной одиссеи подобные системные простыни уже не вызывали священного трепета. Они воспринимались как утренний наряд-допуск на стройплощадке где-нибудь под станцией «Савёловская», только вместо советских железобетонных тубингов под ногами ворочалась сама утроба сотворенного мира, а вместо грунтовых вод грозила прорвать забой жидкая эссенция чистой энтропии.

Он поднял взгляд.

Впереди, на расстоянии полутора сотен метров, вздымалась Она.

Обшивка Ядра Мира.

В легендах темных эльфов и трактатах верховных магов ее именовали «Скорлупой Пра-матери» или «Печатью Создателя». Для Берёзкина же это была просто глухая несущая стена чудовищной толщины, сложенная из гравитационно-уплотненного орихалка и хроно-базальта. По ее титанической, уходящей в бесконечность влево и вправо дуге вились светящиеся жилы. Это не была лава — по жилам текло концентрированное время, пульсирующее в такт медленным ударам планетарного сердца.

Бум.

Удар отозвался в подошвах тяжелых шахтерских ботинок с подошвами из гравитационной керамики.

Бум.

Пространство вокруг дрогнуло. Скальные выступы над головой скрипнули, осыпая уступ градом раскаленных добела кристаллов циркония.

— Не гуди, мать, — негромко пробормотал Илья в микрофон встроенной рации. Голос прозвучал хрипло, привычно раскатисто, с той особой интонацией бригадира, повидавшего на своем веку и крушение тоннелей на Тау Кита, и прорыв астральных демонов на Люблинско-Дмитровской ветке Мультиверса. — Всё равно ведь пророем. Не таких пробивали.

Он протянул правую руку вперед, разжимая закованные в металл пальцы.

— Интерфейс. Раздел «Проектирование». Наложить трассировку генерального плана.

Воздух перед Илей взорвался каскадом лазурных и изумрудных координатных сеток.

Система послушно отозвалась мелодичным гулом, похожим на звук прибывающего на пустую ночную станцию тяжелого грузового состава. И прямо сквозь кипящую толщу серного пара, сквозь монолитную твердь Ядра, прочерчивая трехмерное пространство бездны, пролегла идеальная круговая линия.

Она сияла мягким неоновым светом — знакомым, почти домашним кольцом московской кольцевой, только растянутым в масштабах гипер-пространственного контура.

****[Активирован режим: «Геодезическая визуализация нулевого пикета».]****

****[Объект: Кольцевая Линия Бездны (Большое Кольцо Мироздания).]****

****[Радиус кривизны трассы: 6 371,00 км.]****

****[Проектное количество узловых станций пересадок: 36.]****

****[Расчетный объем выемки породы категорий «Абсолютный Монолит» и «Овеществ-ленная Пустота»: $4,8 \times 10^{14}$ кубометров.]****

****[ВНИМАНИЕ: Трасса пересекает 14 критических зон тектонического напряжения, 3 гнезда Литофагов Нулевого Порядка и 1 квазистационарную черную дыру малого диаметра (опорный пилон станции «Первозданная-Радиальная»).]****

[Требуемый класс тубинговой обделки: Тип-ХП (Тяжелый нейтронный чугун с прослойкой из звездной пыли).]

Илья всмотрелся в полупрозрачную схему. Кольцо охватывало Ядро Мира по идеальной экваториальной траектории, стабилизируя планетарный баланс и одновременно связывая воедино нижние горизонты тринадцати смежных реальностей.

Это был колоссальный проект. Самый масштабный из всех, за которые брался его трест.

Когда-то, в далеком первом томе, всё начиналось с ржавой лопаты, сырого подвала на Пресне и полузатопленного бомбоубежища, кишашего мутировавшими крысами третьего уровня. Тогда высшей наградой казалась банка советской тушенки с госрезерва и медная кирка с бонусом «+2 к выносливости».

Сейчас за плечами Берёзкина стояла мощь сотен покоренных пластов. Он помнил холодный вакуум Лунной Магистрали, пробитой сквозь лунный реголит вопреки воле космических богов; помнил проходку сквозь пылающие недра Муспельхейма, где вместо бентонитового раствора приходилось закачивать в забой замороженную слезу Имира; помнил тоннели Чистилища, где вместо грунта приходилось выгребать утрамбованные веками грехи забытых цивилизаций.

Но здесь... Здесь начиналось нечто принципиально иное.

Кольцо Бесконечности должно было замкнуть каркас умирающей Вселенной, не дав ей коллапсировать в сингулярность. По сути, Илье предстояло заковать пылающее сердце планеты в гигантский технологический обруч из рельсов, шпал, контактных проводов и герметичных затворов.

— Ну что, проверим инструмент, — сказал Илья сам себе.

Он отстегнул с поясного карабина массивный цилиндрический тубус, покрытый сложной гравировкой в виде переплетенных рельсовых путей и шестеренок. Легкое нажатие на сенсорную панель — и артефакт с тихим шипением раздвинулся, трансформируясь в тяжелый геодезический теодолит сингулярного класса «Маркшейдер-Ультима».

Прибор мягко опустился на три раздвижные лапы, намертво вгрызшиеся твердосплавными шипами в оплавленный уступ. Линза прибора, выточенная из цельного кристалла пространственного кварца, провернулась с сухим стрекотом сервоприводов и устоялась точно в геометрический центр пылающей обшивки.

[Инициализация прибора «Маркшейдер-Ультима» (Уровень артефакта: Божественный/Инженерный).]

[Калибровка оптической оси по истинному магнитному меридиану Бездны... Успешно.]

[Погрешность нивелирования на дистанции 10 000 км: 0,00004 мм.]

[Внимание: Обнаружено аномальное гравитационное возмущение в секторе ПК 0+00. Источник: Локальное пробуждение Хранителя Плиты.]

— Кто бы сомневался, — проворчал Берёзкин, даже не оторвав взгляда от окуляра. — Как только начинаешь выставять пикетаж — обязательно вылезет какая-нибудь тварь с претензиями по поводу нарушения тишины после одиннадцати вечера.

Словно в ответ на его слова, кипящее озеро магмы у подножия базальтовой скалы вздулось чудовищным пузырем.

Пузырь лопнул с глухим, чавкающим звуком, выбросив в воздух фонтан жидкого золота и тяжелых свинцовых шлаков. Из бурлящей пучины начала медленно, неотвратимо подниматься титаническая туша.

Это существо не принадлежало к органической жизни. Хранитель Плиты представлял собой сплав живого обсидиана, магматических жил и кристаллических наростов размером с девятиэтажный дом. Шесть фасеточных глаз твари пылали слепящим ультрафиолетом, а массивные челюсти, способные перекусить пролет железнодорожного моста, истекали белым пламенем первородной плазмы.

Существо разинуло пасть, из которой вырвался инфразвуковой рев чудовищной разрушительной силы. Ударная волна сшибла бы эскадрилью тяжелых бомбардировщиков, но, доказавшись до уступа, на котором стоял Илья, наткнулась на невидимую преграду.

Воздух перед Берёзкиным вспыхнул изумрудными шестиугольниками силового щита.

[Сработало пассивное умение: «Зона отчуждения строительной площадки» (Ранг 10).]

[Урон от физического и магического шума снижен на 100%.]

[Предупреждение объекту: «Древний Магматический Литофаг 7-го Порядка». Вы находитесь в полосе отвода строящегося объекта транспортной инфраструктуры федерального и межмирового значения.]

[Предписание: Немедленно освободить створ будущей шахты во избежание принудительного демонтажа.]

Литофаг, разумеется, СНиПов и правил технической эксплуатации метрополитенов не читал.

Тварь сочла системное уведомление объявлением войны. С яростным ревом исполинское членистоногое взмахнуло передней лапой — многотонной глыбой гранитного монолита, увенчанной алмазными шипами, — и обрушило ее прямо на крошечную фигурку человека в оранжево-стальном комбинезоне.

Илья даже не сдвинулся с места. Его руки продолжали методично крутить микрометрические винты на теодолите, наводя перекрестие нитей на ключевую точку Ядра.

Лишь когда лапа монстра была уже в паре метров от его головы, Берёзкин, не глядя, сдернул с левого бедра тяжелый инструмент, по форме напоминавший помесь тяжелого перфоратора с тактическим гранатометом.

«Пневмопробойник Анкерный Высокоточный ПАВ-900 "Грот"». Личное наградное оружие, врученное лично Советом Демиургов за ликвидацию прорыва хаоса на станции «Чертановская-Астральная».

— Нарушение границ строительного горизонта, статья сто двенадцатая Технического Регламента, — монотонно произнес Илья.

Он нажал на спуск.

Пневмопробойник не выстрелил пулей или лучом лазера. Он с сухим щелчком выплюнул полутораметровый титановый распорный анкер, за которым тянулся тончайший трос из спрессованного гравитационного поля.

Снаряд ударил точно в сочленение обсидианового панциря и лапы Литофага.

Дзынь!

Звук был чистым, стеклянным, абсолютно несоразмерным масштабу катастрофы, которая последовала секундой позже.

[Активирован навык: «Установка временной крепи забоя»!]

[Цель зафиксирована. Сила натяжения анкера: $1,2 \times 10^8$ Ньютонов.]

[Свойство материала: «Анкерная стяжка породы». Физическая плотность цели принудительно увеличена в 400 раз.]

[Масса превысила критический предел плавучести в магматическом расплаве.]

Глаза чудовища расширились от ужаса, сменившего ярость.

Лапа, в которую вонзился анкер, внезапно потяжелела настолько, что потянула за собой всё циклопическое тело монстра. Литофаг попытался взмахнуть остальными конечностями, заскрежетал жвалами о скалы, высекая снопы искр, но гравитационный трос, привязанный вторым концом к глубинным базальтам плиты, натянулся струной.

С коротким, свистящим хлопком тварь ухнула обратно в бурлящую магму, поднимая фонтаны брызг. Поверхность лавового озера сомкнулась над ней с глухим утробным бульканьем.

Системный интерфейс бесстрастно выдал очередную порцию логов:

[Препятствие типа «Органическая масса / Скальный паразит» успешно устранено и утрамбовано в основание будущей насыпи.]

[Получено опыта: 1 450 000 ед.]

[До 841-го уровня осталось: 89 200 000 ед.]

[Прочность основания створа увеличена на 0,04%. Текущая несущая способность грунта: Идеальная.]

— Вот так бы сразу, — Илья вернул пробойник на пояс и снова прильнул к окуляру. — Грунт надо готовить заранее, а не лезть в забой с кривыми клешнями.

Точка была поймана.

На пылающей глади Ядра Мира, в месте пересечения золотой трассировки и вертикального разлома, загорелся пульсирующий малиновый маркер.

[Пикет 0+00. Засечка нулевого километра зафиксирована.]

Теперь наступал самый ответственный момент. Момент, ради которого он спускался сквозь двадцать километров адамантина, сквозь ядовитые газы и сопротивление древних божеств, законсервированных в мантии.

Нужно было заложить Первый Репер.

Илья опустил на одно колено. Металл наколенников с легким шипением коснулся раскаленного базальта. Из внутреннего кармана комбинезона — пространственного подпространственного хранилища емкостью в добрый железнодорожный тупик — он извлек тяжелый металлический стержень.

Это не был обычный геодезический штырь.

Стержень был отлит из сплава истинного чугуна, добытого в сердце умирающего белого карлика, и первородного серебра Бездны. На его гранях тончайшей лазерной гравировкой были выбиты миллионы микроскопических символов: инструкции по охране труда, выдержки из правил технической эксплуатации, чертежи стрелочных переводов и имена сотен рабочих его легендарной бригады, которые когда-либо держали в руках отбойные молотки на этих бесконечных горизонтах.

Этот стержень был концентратом всей его профессии. Смыслом существования класса [Верховный Метростроитель Миров].

Илья поднял правую руку. Пространство вокруг его ладони заколебалось, сгущаясь в тяжелый, матово-черный силуэт кувалды. Но это было не просто оружие.

«Кувалда Первопроходца: Демиург-ТК».

[Внимание! Подготовка к инициации геодезического репера.]

[Требуется затрата маны: 500 000 ед.]

[Требуется концентрация воли класса: 100%.]

[Шанс критической деформации пространственно-временного континуума: 12,4%.]

****[Вы уверены, что хотите закрепить Кольцевую Линию Бездны в теле Ядра Мира?]****

Илья не стал отвечать Системе словами. Вместо этого он глубоко вдохнул горячий, синтезированный фильтрами комбинезона воздух, пахнувший озоном и жженой изоляцией — вечным, неизменным запахом любого метрополитена, будь он в Москве, на Альфе Центавра или на дне Преисподней.

Мышцы под сервоприводами экзоскелета натянулись.

— Поехали, — негромко произнес он сакральную фразу всех первопроходцев.

И опустил кувалду на оголовок стержня.

УДАР.

Звук не имел ничего общего с обычным звоном металла о металл. Это был раскат грома, разорвавший само полотно реальности.

От точки удара во все стороны брызнули не искры, а чистые волны когерентного света. Базальтовая плита под ногами запела на ультразвуковой ноте, расходясь сетью идеальных, геометрически выверенных трещин, которые тут же затягивались расплавленным хромовым припоем.

Стержень вошел в породу на треть длины.

Ядро Мира перед Ильей отозвалось яростным, глубинным гулом. Гигантская сфера, сжатая миллионами атмосфер, словно осознала, что в ее плоть вбивают первый гвоздь великого технологического ошейника. Лавовые реки вздыбились многокилометровыми протуберанцами, стремясь захлестнуть крошечный уступ, сжечь наглеца, посмевшего нарушить первоустроенный хаос глубин.

Но Илья не дрогнул.

ВТОРОЙ УДАР.

Еще треть стержня погрузилась в сверхплотный камень.

Вокруг Берёзкина взметнулся смерч из золотых цифр, уравнений сопромата и рунических формул. Интерфейс замигал тревожными алыми транспарантами:

****[ВНИМАНИЕ: Давление в зоне сопряжения превысило критический предел!]****

****[Сопротивление материи Ядра: 98,9%!]****

****[Зафиксирована попытка временного парадокса: Ядро пытается откатить свое состояние на 10 000 лет назад!]****

****[Активирован контрагентный протокол класса: «Метрострой обратного хода не имеет»!]****

— Куда назад?! — рявкнул Илья, и в его голосе прорезалась сталь человека, который лично сдавал станции точно к праздничным датам под угрозой расстрела и понижения в разряде. — У меня пуск по графику в четвертом квартале следующей эпохи! Какой откат, мать вашу?! Стоять! Держать горизонт!

Его спина выгнулась, сервомоторы взвыли на пределе мощности, сжигая тонны очищенного эфира. Из плечевых выхлопных портов вырвались два столба ослепительного белого пламени.

ТРЕТИЙ УДАР!

Кувалда вбила оголовок репера заподлицо с монолитом.

На мгновение все звуки в радиусе ста километров исчезли. Наступила абсолютная, звенящая тишина, в которой слышно было лишь мерное, ровное дыхание Ильи внутри герметичного шлема.

А затем...

Из вбитого репера во все стороны ударили тончайшие золотые нити. Они не ломали породу — они сшивали ее. Нити устремились вдоль намеченной трассы, прорезая толщу лавы, пробивая базальтовые хребты, огибая пустоты и оплетая внешнюю обшивку Ядра Мира прочнейшей паутиной пространственной разметки.

Там, где проходила нить, хаотическая стихия отступала. Лава остывала до идеальной глазури, способной служить балластной призмой; трещины схватывались монолитными швами; гравитация выравнивалась, послушно принимая стандартное значение в одну земную атмосферу.

Перед глазами вспыхнула грандиозная надпись, перекрывшая весь горизонт:

****[ГЕОДЕЗИЧЕСКИЙ РЕПЕР № 001 УСПЕШНО УСТАНОВЛЕН И ПРИНЯТ ГОСКОМИССИЕЙ МУЛЬТИВЕРСА.]****

****[Проект «Большое Кольцо Бесконечности» официально переведен в стадию: СТРОИТЕЛЬНО-МОНТАЖНЫЕ РАБОТЫ.]****

****[Сформирована опорная точка для привязки Проходческого Комплекса.]****

****[Разблокирован доступ к спецтехнике класса «Тяжелый ТПК Творцов».]****

Илья медленно опустил кувалду, уперев ее боек в остывающий камень. Оружие тут же растаяло в воздухе, вернувшись в цифровые ячейки инвентаря.

Он тяжело перевел дух, вытирая тыльной стороной перчатки запотевшее стекло гермошлема, хотя знал, что это лишь фантомная привычка — система климат-контроля работала безукоризненно.

Позади него, в глубокой темноте проходной штольни, сквозь которую он пробивался последние три месяца, послышался нарастающий гул. Это не было рычание монстров или стон растрескавшейся породы.

Это был размеренный, тяжелый, ритмичный лязг сотен тысяч тонн зачарованной стали.

Из мрака штольни, медленно выдвигаясь на освещенный лавой карниз, выползала исполинская громада.

Тоннелепроходческий механизированный комплекс «Горыныч-Архитектор».

Его роторный рабочий орган — исполинское колесо диаметром в пятьдесят метров, усаженное сотнями шарошек из кристаллизованного гипер-алмаза и плазменных резцов, — пока еще медленно проворачивалось вхолостую. За щитом тянулся бесконечный технологический поезд: блокоукладчики, растворонагнетательные станции, трансформаторные подстанции нулевого вакуума и конвейеры для откатки породы, уходящие назад, в бездонную темноту двадцатикилометрового ствола.

На бронированном боку головного щита, рядом с крупными белыми буквами «МОСМЕТРОСТРОЙ — БЕЗДНА», горел верный девиз, выбитый еще на самых первых чугунных кольцах первой земной ветки:

«Там, где нет пути — мы проложим рельсы».

К Илье, громыхая тяжелыми магнитными ботинками по свежеложенному металлическому настилу, подошел коренастый силуэт в точно таком же защитном скафандре, только с тремя красными полосами на наплечниках — бригадир проходчиков Михалыч, верный соратник еще с сорок пятого тома, чья душа давно отказалась от положенного рая ради возможности «докопать до самого доньшка».

Михалыч откинул бронешиток шлема, открывая обветренное, покрытое въевшейся угольной и мифриловой пылью лицо с неизменной самокруткой в зубах. Самокрутка, разумеется, была незажженной — техника безопасности в метановой зоне превыше всего, но саму привычку не смогли вытравить даже три перерождения.

— Ну что, командир? — сиплым басом спросил бригадир, глядя на циклопическую дугу Ядра, опоясанную золотой паутиной разметки. — Привязались?

— Привязались, Михалыч, — Илья подошел к краю карниза и посмотрел вниз, туда, где застыл первый технологический уступ. — Ноль-ноль встал мертво. Отклонений по горизонту нет. По вертикали — три сотых микрона, спишем на температурное расширение ориалка.

Михалыч сплюнул в бездну темную крупинку табака, одобрительно крякнул и оглянулся на замерший позади комплекс.

— Тюбинги двенадцатого типа подвезли. Первую партию в три тысячи колец на базовом складе разгружают. Нейтронный чугунок, как заказывал. Тяжеленный, зараза, гравикары на трех процентах перегруза ползут. Но звенит чисто. Без раковин.

— Раковины нам здесь не нужны, — строго заметил Илья. — Если кольцо под шестьюдесятью тысячами атмосфер лопнет, нас этим чугуном прямо в стратосферу через ствол выстрелит. Чеканить швы будем свинцово-титановым шнуром с проваркой плазменными горелками. Лично каждый стык проверю.

— Обижаешь, начальник, — усмехнулся Михалыч в густые, тронутые инеем бороды усы. — У меня в третьей смене гномы из Мории и големы из шестого сектора работают. Они на этих стыках собаку съели. Даже две.

Он посерьезнел и кивнул на светящуюся линию трассы, уходящую в багровое пекло:

— График жесткий, Илья. Система дает нам на первый перегон всего три года по планетарному времени. А там дальше, говорят, в районе четырнадцатого пикета, температурный градиент зашкаливает. Магма переходит в жидкое время. Бурить сквозь вчерашний день придется.

— Пробуруем, — спокойно ответил Берёзкин. — Шарошки с хроно-смещением поставим, конвейер на обратную петлю завяжем. Не в первый раз время лопатами кидать. Главное — ритм держать. Забой не должен стоять ни минуты.

Он повернулся лицом к исполинскому щиту, поднял руку с зажатым в ней универсальным ключом проходчика и активировал командную сеть треста.

Его голос, усиленный тысячами ретрансляторов, разнесся по всем штольням, штрекам, стволам и околоствольным дворам, уходя на двадцать километров вверх, до самых базовых лагерей:

— Внимание всем сменам и горизонтам! Говорит начальник строительства Берёзкин. Нулевой пикет зафиксирован. Трасса Большого Кольца открыта. По машинам! Начать проходку первой технологической захватки!

В ответ из недр туннельного поезда ударил синхронный рев сотен глоток, металлический лязг инструментов и победный гудок щитового тифона, разорвавший тысячелетнюю дремоту планетарного Ядра.

Тяжелый ротор «Горыныча» дрогнул.

Сначала медленно, с тягучим скрежетом многотонных подшипников, преодолевая колоссальное сопротивление покоя. Затем быстрее. Алмазные резцы набрали проектные обороты, превращаясь в сплошной сверкающий диск.

Гидравлические домкраты главного упора — титанические цилиндры толщиной в вековые дубы — с глухим шипением выдвинулись из гнезд, уперлись в стальные башмаки стартовой рамы и толкнули щит вперед.

Первые резцы коснулись пылающей, монолитной скорлупы Ядра Мира.

Сноп ослепительно-белых искр, каждая из которых могла бы расплавить танк, взметнулся под купол свода. Раздался оглушительный, низкий, всепоглощающий гул побеждающего металла. Твердь, державшаяся миллиарды лет, застонала, сдалась и начала крошиться, превращаясь в ровную, аккуратную фракцию, уходящую в чрево конвейера.

Илья стоял на мостике управления прямо за режущим органом. На его лице, освещенном яростным светом раскаленной породы, играли багровые отблески.

В интерфейсе, отсчитывая первые сантиметры великого пути, мягко щелкнул счетчик:

****[ПК 0+00,01. Проходка начата.]****

Кольцо Бесконечности тронулось с места. И не было во всем Мультиверсе силы, способной остановить бригаду Верховного Метростроителя, пока впереди оставался хотя бы один неизведанный метр породы.

Глава 2. Адамантовый Тюбинг

Гул не просто нарастал — он уплотнялся, обретая физическую массу.

Казалось, само пространство в забойной камере сжалось в единый вибрирующий комок материи. Шестнадцатиметровый планшайбовый ротор «Горыныча», ошетилившийся сотнями тяжелых скальных резцов из карбид-мифрилового сплава и самозатачивающихся дисковых шарошек, врезался в первичное вещество Ядра. Это не был обычный гранит, базальт или даже сверхплотный титановый сланец нижних горизонтов Бездны, с которыми трест работал на прошлых сотнях километров. Порода здесь жила, пульсировала багровым жаром и сопротивлялась с яростью первобытного хаоса.

Она обладала собственной метафизической плотностью: вязкая, перенасыщенная гравитонами кристаллическая магма, спрессованная чудовищным давлением планетарных глубин в подобие черного стекла.

****[Внимание! Зафиксировано лобовое сопротивление породы: 18 400 МПа.]****

****[Температура в зоне резания: 3 850 °С.]****

****[Скорость вращения режущей головки: 1,4 об/мин. Подача домкратов: 12 мм/мин.]****

****[Система охлаждения резцов хладагентом из жидкого эфира: нагрузка 84%.]****

Илья Берёзкин не отрывал взгляда от голографической консоли управления щитом, развернутой прямо над пультом из черного закаленного бронестекла. Его тяжелые рабочие перчатки из шкуры глубинного василиска с титановым плетением на костяшках покоились на двух главных рычагах — регуляторе суммарного давления домкратов и гидрораспределителе забойного шнека.

— Не спеши, «Горыныч», не рви жилы, — негромко, сквозь зубы процедил Берёзкин, словно обращаясь к живому титаническому зверю.

Пальцы его дрогнули, ювелирно корректируя угол атаки резцов внешнего калибровочного контура. Одно неверное движение — и резцы за полмиллиарда казенных кредитов сточатся о породу за пару секунд, превратившись в оплавленные обрубки, а ротор заклинит в миллионнотонной тиске ядра.

За спиной начальника строительства, на металлическом решетчатом настиле мостика, напряженно застыла оперативная группа. Старший маркшейдер Капустин в запотевших защитных очках лихорадочно сверял показатели лазерных и тахионных гироскопов с проектом трассы. Бригадир щитовых механиков, плечистый гном-полукровка Михалыч, чей бородатый лик был вымазан несмываемой графитовой смазкой вперемешку с копотью, держал руку на тумблере аварийного сброса давления в маслостанции высокого давления.

— Илья Николаевич, домкраты выходят на предельные три тысячи атмосфер в гидравлике! — прокричал Михалыч, перекрывая рев дробящейся породы. — Пятая и шестая группы цилиндров по левому борту стонут! Если породу по правому не подрежем, щит поведет вниз по косоуру!

— Не поведет, — отрезал Берёзкин, даже не оглянувшись.

В его глазах вспыхнули тусклые золотистые искры — сработал пассивный классовый навык:

[Активировано классовое зрение: «Эпюра Напряжений Массива» (Ранг: Мифический).]

Мир вокруг потерял привычные цвета. Стальные переборки «Горыныча» стали полупрозрачными, а толща раскаленной породы впереди проявилась сеткой силовых линий. Берёзкин видел, как колоссальные векторы напряжения — миллионы тонн на квадратный дециметр — сходились к верхней кромке лба забоя, пытаясь раздавить стальную оболочку щита встречным ударом.

— Михалыч, продуть забойные форсунки контура «Б» плазменной смесью! Ослабить напряжение в верхнем сегменте забоя! Забойный шнек — обороты на семьдесят пять! Выгребать породу, не давать ей спекаться в монолит!

— Есть продувка! — рявкнул гном и с остервенением вдавил три рычага пневмораспределителей.

Из сопел, расположенных между шарошками ротора, с громоподобным свистом ударили струи концентрированной маны разложения, смешанной с жидким азотом сверхвысокой очистки. Раскаленная докрасна порода отозвалась оглушительным серией хлопков — термический шок рвал кристаллическую решетку магматического стекла быстрее, чем давление успевало его перековать.

Шарошки с утроенной яростью вгрызлись в образовавшиеся трещины.

В чрево щита, прямо под ноги операторам, через приемные окна ротора хлынул поток дробленой породы. Это был не щебень — это были пылающие, светящиеся багровым шлаком глыбы, которые тяжелый шнековый конвейер подхватывал своими массивными витками, одновременно охлаждая полимерной пеной, и выбрасывал на магистральный ленточный перегружатель туннельного поезда.

Сантиметр за сантиметром.

[ПК 0+00,45...]

[ПК 0+00,80...]

[ПК 0+01,10...]

[ПК 0+01,40!]

С глухим металлическим ударом штоки главных гидродомкратов уперлись в концевые концевики хода. Поршни выдвинулись ровно на полтора метра — точнейшая ширина одного технологического кольца обделки.

— Стоп ротор! — скомандовал Берёзкин, опуская рычаг привода.

Вращение исполинского диска замедлилось, резцы в последний раз со скрежетом полоснули по зачищенной плоскости нового забоя, и над проходческим комплексом повисла относительная, звенящая тишина. Слышно было лишь тяжелое дыхание двух десятков людей и нелюдей на мостике, шипение стравливаемого пара, гул циркуляционных насосов да утробное потрескивание остывающего забойного металла.

На панели вспыхнула зеленая системная руна:

[Захватка № 1 пройдена. Линейная проходка: 1,40 м.]

[Свободное подщитовое пространство сформировано.]

[Хвостовая оболочка щита готова к монтажу Кольца № 1.]

Берёзкин снял защитную каску, отер тыльной стороной рукавицы залитый потом лоб и посмотрел назад, в глубину чрева «Горыныча». Там, за массивной переборкой кессонной зоны, в полумраке хвостовой юбки щита, раскрывалось пустое кольцевое пространство диаметром в шестнадцать с половиной метров. С внешней стороны его защищала лишь тридцатисантиметровая бронева сталь хвостового щитового щитка, по внешнему периметру которого тройным барьером стояли полимерно-проволочные манжетные уплотнения, удерживающие за бортом бушующий океан магмы и чудовищное давление пласта.

Но щитовая оболочка была лишь временным щитом. Настоящей броней туннеля должна была стать постоянная крепь.

— Маркшейдерская служба, доложить отклонение! — крикнул Илья.

Капустин прильнул к окуляру квантового теодолита, щелкнул тумблерами и облегченно выдохнул:

— Ноль-ноль по лазеру в плане! По профилю — задираем нос на две секунды, ровно по проектной кривой сопряжения с горизонтом гравитационного фокуса! Идеально встали, шеф. Хоть сейчас в палату мер и весов заноси.

— Отлично. Бригада монтажников — на исходные позиции! — Берёзкин переключил общую туннельную связь на канал тяжелой механизации. — Диспетчер горизонта! Подать первый пакет нулевого кольца! Марка «Адамант-Ультра-100к»! Пошел металл в забой!

* * *

Из темноты туннельного портала, по временно уложенным на технологические мостки рельсам монорельса, с глухим электрическим воем выплыл тяжелый транспортный манипулятор на антигравитационной подушке.

На его платформе покоился первый сегмент — нижний, так называемый лотковый тюбинг.

Это было инженерное произведение искусства, созданное на стыке высшей металлургии Глубинного Союза и рунной геометрии Древних. Тюбинг представлял собой массивную изогнутую дугу весом в сорок две тонны. Его внешняя поверхность отливала матовым, абсолютно не отражающим свет иссиня-черным цветом — цветом чистого кованого адаманта, легированного звездным железом и связанного молекулярными цепями термостойкого орихалка.

По краям сегмента змеились прецизионно профрезерованные пазы под двоянные гидроизоляционные прокладки из полимеризованного эфирного свинца и жаростойкого мифрилового шнура. В теле тюбинга темнели глубокие колодцы под соединительные болты диаметром в руку взрослого мужчины, а по центру располагалось резьбовое отверстие для нагнетания первичного тампонажного раствора, временно заглушенное бронзовой пробкой.

Берёзкин спрыгнул с мостика управления на настил хвостовой части, подойдя к выгруженному блоку. Он коснулся металла голой ладонью, активируя инженерный интерфейс идентификации:

[Объект: Тюбинг туннельный высокопрочный, марка «А-Ультра-100к».]

[Класс изделия: Артефактное инженерное сооружение (Ранг: Божественный/Промышленный).]

[Проектный предел радиального сжатия: 125 000 атмосфер (12,66 ГПа).]

[Термическая стойкость внутреннего контура: до 6 500 °С без потери кристаллической структуры].

[Магическая плотность экранирования: 99,99% (Нейтрализация гравитационных аномалий и прорыва инфернальной эманации Ядра).]

[Статус: Сертифицирован ГосТехНадзором Мультиверса. Заводской номер: 0000001-Б/К.]

— Ну, здравствуй, первенец, — тихо проговорил Илья. Металл под пальцами отозвался легким, едва уловимым гудением внутренних компенсационных контуров. Холодный. Даже в трех метрах от пылающего ада забойного пространства адамантовый монолит оставался ледяным на ощупь — его внутренняя энтропийная емкость поглощала тепловое излучение, словно черная дыра.

— Бригадир Семеныч! — крикнул Илья, обращившись к подошедшему звену монтажников.

Шесть дюжих проходчиков в тяжелых асбесто-адамантовых комбинезонах высшей защиты, с массивными ранцами автономных систем дыхания за спиной, молча выстроились

вокруг лотка. Их лица под затемненными забралами шлемов были сосредоточенными и суровыми. В руках они держали пневматические гайковерты титанического калибра, подвешенные на балансирах к верхним ездовым балкам, и монтажные ломы из сплава «ноль-массы».

Семеныч, старый ветеран, прошедший с Берёзкиным проходку через Марианский Разлом в Мире-3 и ликвидацию прорыва Астральной Плавни на шестом километре Ствола Надежды, сдвинул забрало вверх, сплюнул под ноги и окинул взглядом кольцевую зону:

— Чего стоим, Николаич? Эректор на мази. Масло в поворотном венце прогрето до сорока градусов. Давай команду, пока порода за юбкой не опомнилась и не обжала нас насухо.

— По местам, — кивнул Берёзкин. — Ставим лоток. Зазоры в стыках — не более трех десятых миллиметра. Никаких перекосов. Напоминаю: если хоть одна прокладка ляжет со складкой, через двадцать минут здесь будет не туннель, а доменная печь. За бортом — сто тысяч атмосфер жидкого планетарного расплава. Всем всё ясно?

— Обижаешь, начальник, — осклабился Семеныч. — Не первый километр в преисподнюю закапываем. Парни, заводи захваты!

Под сводом хвостовой части щита ожил титанический механизм блокоукладчика — эректора.

Его мощная центральная балка, способная вращаться на все триста шестьдесят градусов вокруг оси туннеля, бесшумно сдвинулась по зубчатому венцу. Двухпалый гидравлический захват, сверкая хромированными штоками толщиной с корабельную мачту, опустился к платформе с первым тьюбингом.

Монтажники в два движения завели кованые Т-образные пальцы захвата в монтажные гнезда блока. Щелкнули фиксирующие замки.

— Захват заблокирован! Масса в контуре компенсирована! — доложил монтажник у пульта управления эректором.

— Пошел подъем! — скомандовал Семеныч.

С тихим шелестом шестерен сорокадвухтонный блок оторвался от платформы. Эректор легко, будто поднимал пушинку, развернул колоссальную дугу в пространстве и плавно опустил ее в самую нижнюю точку кругового сечения — в лоток.

Здесь, в лотке, уже были подготовлены стальные направляющие стартовой рамы.

Сегмент медленно, под контролем лазерных визиров, вошел в посадочное место.

Клац!

Звук соприкосновения адаманта со стартовым кольцом отозвался в металле звонким, чистым колокольным звоном, прокатившимся по всему шестнадцатиметровому диаметру щита.

— Сел! — крикнул монтажник, контролирующий зазор щупом. — Ноль целых двадцать пять сотых! Идеальная посадка!

— Болты первой группы — наживить! — раздался приказ.

Тяжелые адамант-титановые болты метровой длины с крупной трапецеидальной резьбой, предварительно смазанные жаропрочной пастой, один за другим с глухим стуком вошли в совмещенные отверстия. Двое монтажников навалились на подвесной пневмогайковерт. Раздался оглушительный, дробный треск ударного механизма.

[Фиксация болтового соединения № 1-Л...]

[Момент затяжки: 45 000 Н·м.]

[Тензометрический контроль: натяжение в норме.]

— Есть затяжка! Лоток закреплен!

— Подавай правый стеновой номер один! — не сбавляя темпа, командовал Берёзкин. Он стоял на переходном мостике прямо над местом монтажа, сканируя каждый узел, каждую фаску, каждую уложенную полосу уплотнителя.

Работа закипела с точностью швейцарского хронометра, помноженной на неумолимую мощь советского Метростроя.

Антиграв-вагонетки непрерывной цепочкой подвозили новые сегменты из технологического хвоста поезда. Эректор брал блок за блоком:

Второй тубинг — нижний правый.

Третий — нижний левый.

Четвертый и пятый — средние стеновые, сформировавшие вертикальные борта будущего тоннеля.

Шестой и седьмой — верхние плечевые блоки, начавшие сводить гигантскую арку под потолком оболочки.

Каждый сегмент требовал ювелирной точности. Под воздействием внешней гравитации ядра малейший перекося в доли градуса на нижних блоках привел бы к тому, что в замке — на самом вершине — образовалась бы щель, которую невозможно было бы закрыть.

Монтажники работали слаженно, без единого лишнего слова. Слышались лишь короткие, отточенные команды, лязг монтажных ломиков, вой гидронасосов и несмолкающий дробный рев гайковертов.

Воздух в хвостовой юбке становился все горячее. Несмотря на мощнейшую precisely-вытяжную вентиляцию, качавшую ледяной воздух с базовых горизонтов за двадцать километров отсюда, температура в зоне монтажа перевалила за пятьдесят градусов. По стальным сводам струился едкий конденсат. Пот заливал глаза рабочим под щитками, но никто не замедлял движений.

Наконец, остался последний, решающий шаг.

В зените свода зияло узкое клиновидное пространство.

— Замковый блок! — крикнул Семеныч, утирая рукавом закопченное лицо. — Давай замковый, черти полосатые! Своди кольцо!

Замковый тубинг — меньший по размеру, клиновидной формы «К-блок» — был подан эректором не радиально, как остальные, а продольно, с торца. Он должен был войти между шестым и седьмым блоками, как клин в расклиненную арку, замкнув силовую схему кольца и превратив разрозненные куски металла в единый самонесущий монолит.

Захват эректора подвел тридцатитонный клин к зениту.

Берёзкин лично поднялся по технологической лестнице к замковому узлу. Он положил ладонь на стык, визуализируя распределение напряжений.

— Стоп микроподача, — поднял руку Илья. — Капустин, смещение по правому плечу?

— Четыре сотых миллиметра в плюс! Чуть зажимает щеку замка! — отозвался маркшейдер снизу.

— Михалыч, дай давление на верхнюю группу домкратов щита. Отожми хвостовую юбку на полмиллиметра вправо. Буквально на вздох.

— Даю пятьдесят атмосфер в правый верхний гидротолкатель! — отозвался механик.

Металл щита тихо скрипнул, подаваясь под воздействием колоссального гидравлического усилия. Зазор в замке едва заметно расширился.

— Пошел замок! — крикнул Берёзкин.

Эректор с глухим натужным воем толкнул клиновидный блок вперед.

Адамантовый клин вошел в паз, со скользким чавканьем сминая графито-свинцовую пасту уплотнений. Совпали болтовые колодцы. Сегменты сели заподлицо.

— Затянуть замковые шпильки! Перекрестная протяжка! — разнесся по туннелю голос начальника строительства.

Гайковерты взвыли на пределе крутящего момента. С каждым оборотом гаек кольцо уплотнялось, металл вдавливался в металл, уплотнители деформировались в закрытых пазах, создавая абсолютно герметичный, непроницаемый для молекул барьер.

И в тот момент, когда последний болт встал на стопорную шайбу, система отозвалась торжествующим аккордом системного сообщения:

[Кольцо обделки № 1 (Адамант-Ультра) полностью собрано!]

[Геометрическая замкнутость контура: 100,00%.]

[Отклонение от проектной оси: 0,001 мм. Идеальное сопряжение.]

[Внутренний силовой контур замкнут. Включена пассивная рунная матрица перераспределения давления «Уроборос».]

По внутренней поверхности собранного кольца — по всем его сегментам — пробежала быстрая лазурная волна света. Это активировались встроенные в адамант микроруны, связывая отдельные тубинги в единую монолитную молекулярную систему. Шестнадцатиметровое кольцо глухо загудело на низкой басовой ноте, превратившись в негибкий обруч.

Рабочие опустили инструмент. Кто-то тяжело осел прямо на настил, жадно припадая к мундштуку фляги с водно-солевым раствором. Семеныч снял рукавицу, погладил гладкий, без единого шва на ощупь стык и довольно крикнул:

— Ну вот... Стоит, родимое. Хоть танком по нему катайся.

— Танк — это семечки, Семеныч, — тихо сказал Берёзкин, спускаясь вниз. Лицо его оставалось предельно собранным. — Танк это кольцо даже не поцарапает. А вот то, что сейчас на него навалится... Приготовиться к тампонажу! Быстро, шевелитесь, смена! Самый опасный момент впереди!

* * *

Это знало каждое инженерное сердце на щите: собрать кольцо внутри защитной юбки щита — лишь половина дела. Настоящее испытание начиналось тогда, когда щит делал следующий шаг вперед, сдергивая свою стальную оболочку с кольца и оставляя его один на один с перевозданной Бездной.

Между внешним диаметром адамантового тубинга и вырезанным ротором контуром скальной породы оставался технологический зазор — заобделочное пространство шириной ровно в пятнадцать сантиметров.

Если этот зазор не заполнить мгновенно твердеющим составом под давлением, превышающим давление пласта, внешняя среда — кипящая лава Ядра под напором в сотню тысяч атмосфер — мгновенно сомнет кольцо динамическим ударом, найдет микроскопическую брешь и разрежет туннель, как автоген консервную банку.

— Подключить растворонагнетательные рукава к тампонажным пробкам! — скомандовал Берёзкин.

Четыре тяжелых гибких шланга в металлической броне, идущие от растворомешалок высокого давления туннельного поезда, были намертво прикручены к резьбовым отверстиям в теле установленного кольца. В их недрах находился особый состав треста: гравитационно-базальтовый тампонажный раствор марки «Монолит-Метро-Х», замешанный на тяжелой воде Первородного Источника и кристаллическом микроцементе нулевой усадки.

— Растворонасосы на взвод! Михалыч, переводи домкраты главного упора на башмаки нового кольца!

Вот он, ключевой технологический маневр.

Чтобы «Горыныч» мог сделать следующий шаг, его толкающие гидроцилиндры должны были упереться не в стартовую раму, а в торец только что собранного, еще не проверенного в деле первого адамантового кольца. Вся чудовищная масса проходческого комплекса — сорок тысяч тонн щита и оборудования плюс сила трения о породу — должна была опереться на этот свежий металлический обруч.

Огромные стальные башмаки домкратов с низким шипением гидравлики легли на прецизионно обработанный торец первого кольца.

— Давление упора: пятьсот атмосфер... Тысяча... Две тысячи! — докладывал механик.

Кольцо приняло нагрузку. Адамант даже не вздрогнул. Стрелки тензодатчиков в теле сегментов шелохнулись и замерли в зеленой зоне.

— Упор зафиксирован! Проскальзывания нет! Осадка нулевая!

— Начать нагнетание раствора за обделку! — голос Берёзкина звенел, как натянутая струна. — Давление нагнетания — сто двадцать тысяч атмосфер! Перекрыть пластовое давление на двадцать процентов! Подавай раствор! Одновременно — ход щита вперед на тридцать сантиметров! Сдернуть юбку!

В чреве туннельного поезда взвыли плунжерные насосы сверхвысокого давления.

Бронированные шланги натянулись, завибрировали с мелкой, яростной частотой. Тысячи литров серого, светящегося тяжелыми рунными искрами раствора хлынули через тампонажные отверстия прямо за пределы кольца — в черную, раскаленную пустоту заобделочного пространства.

И одновременно с этим домкраты толкнули исполинскую тушу «Горыныча» вперед.

Стальная хвостовая оболочка щита со скрежетом, преодолевая сопротивление манжетных уплотнений, поползла вперед, освобождая внешнюю поверхность первого адамантового кольца.

Это длилось считанные секунды.

Но для всех, кто находился в этот миг в хвосте щита, время растянулось в бесконечность.

* * *

Стальной край юбки сполз.

Защита исчезла.

Первое адамантовое кольцо Кольца Бесконечности вышло в открытый космос планетарного Ядра.

Удар стихии был страшен.

Это не было просто механическое давление твердой породы — это был чудовищный, яростный гидростатический удар расплавленного гравитационного океана. Планетарная магма, сжатая массой целого мира до состояния сверхтекучего металлического флюида, ринулась в освободившееся пространство, стремясь раздавить, расплющить, стереть в порошок нагную конструкцию из смертного металла.

[ВНИМАНИЕ! КРИТИЧЕСКИЙ ВНЕШНИЙ УДАР!]

[Радиальное давление на внешнюю поверхность Кольца № 1: 98 500 атмосфер!]

[Пиковый скачок давления: 104 200 атмосфер (10,55 ГПа)!]

[Температура внешней среды: 4 400 °C!]

[Скорость нарастания нагрузки: 45 000 атм/сек!]

Раздался звук, от которого у людей с более слабой психикой лопнули бы перепонки и помутился рассудок.

Это был не грохот и не скрежет. Это был тонкий, стеклянный, вибрирующий ультразвуковой вой сминаемого пространства. Воздух внутри туннеля мгновенно нагрелся на двадцать градусов лишь от лучистого тепла, прошедшего сквозь металл. Краска на внутренних фланцах тюбингов пошла пузырями и мгновенно обуглилась, наполнив воздух едким запахом гари.

— Держи его! — заорал Семеныч, инстинктивно вцепившись в поручень настила.

Стены вокруг них задрожали. Стартовая рама позади закрипела, миллиметровые швы на мгновение просели под колоссальной волной тектонической ярости.

В глазах Ильи Берёзкина заплясали багровые сполохи тревожных сообщений системы:

[Напряжение в теле нижних сегментов: 85% от предела упругой деформации!]

[Микросмещение замкового блока: 0,08 мм!]

[Зафиксирована микрокавитация в слое тампонажного раствора!]

[Угроза радиального схлопывания кольца: 14%... 22%... 31%!]

— Не отдадим, — тихо, но с такой нечеловеческой силой воли произнес Берёзкин, что его голос перекрыл вой деформирующегося эфира.

Он шагнул вперед, прямо к раскаленному докрасна кольцу, от которого веяло жаром адской топки. Его универсальный ключ проходчика, зажатый в правой руке, вспыхнул ослепительным платиновым сиянием.

[Активирован уникальный классовый навык: «Монолит Верховного Начальника» (Ранг: Абсолют)!]

[Активирован навык: «Эпюра Сверхпрочности: Распределение Напряжений»!]

[Расход маны: 50 000 единиц/сек. Текущий резерв: стабилен.]

Илья с силой ударил бойком ключа по центральному ребру жесткости лоткового тубинга.

ДЗЫ-Ы-Ы-Ы-НЬ!

Звук удара разорвал вой стихии, словно хрустальный колокол судного дня.

От точки касания ключа по всему алмазному периметру шестнадцатиметрового кольца хлынула не лазурная — ослепительно белая волна чистой конструктивной воли строителя. Берёзкин вложил в этот металл не просто ману — он связал геометрию кольца со своей собственной духовной структурой, передавая алмазному свойства негибкости своего классового пути.

Силовые линии внешнего давления, готовые смять кольцо в плоский эллипс, натолкнулись на непреодолимую стену идеального кругового сопротивления.

Тампонажный раствор за обделкой под воздействием ауры Берёзкина вступил в фазу взрывной кристаллизации. То, что должно было застывать сутки, под воздействием маны схватилось за четыре секунды, превратившись в монолитную гравитационную подушку из искусственного базальто-алмаза.

Вой начал стихать.

Басовый гул напряжения выровнялся, превращаясь в устойчивое, мерное, победное гудение работающей под расчетной нагрузкой арочной конструкции.

Стрелки приборов на консоли управления, дрожавшие возле красных меток катастрофы, медленно, нехотя, но неотвратно поползли назад, в зеленую рабочую зону.

[Пик гидростатического удара пройден.]

[Радиальная нагрузка стабилизирована на отметке: 101 200 атмосфер.]

[Тампонажный камень: фазовый переход завершен. Прочность на сжатие: 22 000 МПа.]

[Деформация кольца: 0,00 мм (Абсолютная упругая стабильность).]

[Герметичность стыков: 100%. Протечек расплава не зафиксировано.]

[Температура внутренней поверхности кольца стабилизирована: +24 °С (Система термопоглощения алмазита вышла на стационарный режим).]

Наступила тишина.

Настоящая тишина подземного забоя, нарушаемая лишь размеренным урчанием вентиляторов да капелью остывающего конденсата.

Илья стоял, тяжело дыша, упершись рукой в черный бок алмазного тубинга. Металл под его ладонью больше не жег — он стал прохладным, плотным и надежным, как сама вечность.

Рядом медленно опустился на колени Семеныч. Бригадир дрожащими пальцами снял защитную перчатку и прикоснулся к стыку между третьим и четвертым блоками.

Ни капли магмы. Ни струйки раскаленного газа. Свинцово-мифриловый шнур в пазу спекся в монолитную полосу, намертво запечатав зазор.

— Стоит... — прошептал старый проходчик, и в его голосе слышались слезы пополам с диким восторгом. — Мать честная... Сто тысяч атмосфер держит... Стоит намертво!

Монтажники замерли, глядя на кольцо, словно на ожившее божество.

А затем свод туннеля сотряс такой рев, с которым не мог сравниться никакой грохот забойного ротора:

— УРА-А-А-А-А!

Люди обнимались, стучали тяжелыми рукавицами по бронешиткам комбинезонов, орали во всю глотку, выплескивая накопившееся смертельное напряжение. Михалыч у пульта гидравлики яростно дернул шнур тифона, и победный, густой паровозный гудок «Горыныча» трижды разорвал пространство, улетаая по готовому стволу вверх, к базовым лагерям, возвещая всем горизонтам: *крепь держит!*

Берёзкин медленно выпрямился.

На его лице впервые за эту бесконечную смену прорезалась скупая, усталая, но торжествующая улыбка. Он поднял свой универсальный ключ, оглядел собранное звено и посмотрел вперед — туда, где за режущим органом щита лежали еще тысячи километров нехоженной, яростной тьмы Ядра.

В интерфейсе, на глазах у всего руководства треста и диспетчерской службы Мультиверса, обновилась главная строчка строительного журнала:

[ПК 0+01,40. Кольцо № 1 установлено, расклинено и поставлено под нагрузку.]

[Трасса Большого Кольца: несущая способность подтверждена натурными испытаниями.]

[Готовность к проходке второй технологической захватки: 100%.]

Илья подошел к микрофону командной связи, нажал тангенту и спокойно, словно речь шла о рядовой укладке бордюрного камня на тихой городской улице, произнес:

— Говорит Берёзкин. Первый пошел. Технологию подтверждаю. Всем сменам — приготовиться к непрерывному циклу. Начинаем разработку породы под Кольцо номер два. По машинам!

Глава 3. Бунт Лавовых Титанов

Приказ прораба упал в переговорные тракты подобно брошенной в топку шашке сжиженного кислорода. Секундное оцепенение, вызванное благоговейным триумфом от удержанного первого кольца, мгновенно сменилось четкой, вьющейся на уровень спинномозговых рефлексов суетой многотысячной рабочей смены.

«Горыныч» оживал.

Это не было простым включением механизмов — так пробуждается титанический биомеханический левиафан, зажатый в каменной глотке мира. В недрах технологических тележек, растянувшихся на триста метров назад по готовому сечению туннеля, глухо взвыли синхронные турбонасосы высокого давления. По толстостенным гидравлическим магистралям толщиной с вековое бревно, окованным броней из обедненного орихалка, с диким свистом хлынула синтетическая несжимаемая жидкость.

— Давление в контуре подачи — четыре тысячи бар! — доложил Михалыч, и его огрубевшие пальцы запорхали по физическим тумблерам и сенсорным голограммам пульта. — Маслоохладители вышли на режим! Напряжение на кристаллах преобразователя стабильное!

— Башмаки домкратов — на торец первой обделки! — скомандовал Илья Берёзкин, не отрывая взгляда от центрального тактического визора.

Вдоль внешнего периметра хвостовой части щита сорок восемь колоссальных гидроцилиндров главного упора синхронно подались назад. Их широкие упорные пятки, покрытые демпфирующим полимерно-адамантиевым слоем, с глухим гулким грохотом уперлись в зеркало только что смонтированного, монолитно запечатанного Кольца № 1.

Это был момент истины для сопромата Бездны. Если расчет Илья хоть на долю микрона был ошибочен, если геометрия конических блоков дала перекося — колоссальное усилие

подачи в тридцать тысяч тонн просто раскрошит мифриловый чугун свежей обделки, превратив инженерный подвиг в братскую могилу.

Металл застонал. Свинцово-мифриловый уплотнительный шнур в пазах выдавил еще несколько капель мерцающей окалины. Но кольцо стояло. Стояло непоколебимо, словно вросло в самую структуру пространственно-временного континуума Сверхглубокого Уровня.

****[Внимание! Опорная реакция зафиксирована.]****

****[Нагрузка на Кольцо № 1: 32% от предела текучести. Конструкция стабильна.]****

****[Главный упорный узел щита «Горыныч-12М»: готовность к циклической подаче — 100%.]****

— Пошли, родная, пошли вперед... — процедил сквозь зубы Семёныч, снова натягивая крагу и защелкивая гермошлем скафандра тяжелой проходки. — Дай бог не последняя сажень...

— Не бог, Семёныч, а сопромат и гидростатика, — сухо бросил Берёзкин, шагнув к капитанскому мостику роторного отсека. — Михалыч, стравить давление в призабойной камере на полтора процента. Запустить продувку бентонитовых форсунок. Подаем щит вперед на первые пятьдесят миллиметров!

Тяжелая стотысячетонная туша проходческого комплекса вздрогнула. Огромные штоки домкратов начали медленно, с миллиметровой точностью выдвигаться, толкая бронированный корпус ТПМК вперед, навстречу слепой, раскаленной добела толще породы Ядра.

И в этот же миг приборы геологического сканирования захлебнулись багровым воем.

****[ВНИМАНИЕ! КРИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕНЕНИЕ ГЕОДИНАМИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ!]****

****[Сектор забоя: ПК 0+01,40 — ПК 0+02,80.]****

****[Плотность породы падает: переход из ультрабазитовой матрицы в фазу жидкого термомолярного расплава.]****

****[Обнаружены множественные источники сингулярной кинетической и тепловой активности!]****

****[Класс угрозы: СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ / РЕЙДОВЫЙ КОНТАКТ.]****

Стены кабины управления завибрировали с такой частотой, что мелкие капли конденсата на стеклах мгновенно распылились в белесую пыль.

Где-то там, прямо перед лобовой плоскостью планшайбы щита, в сжатом до чудовищной плотности базальтовом монолите что-то шевельнулось. Это не было обычным горным давлением. Это не было тектоническим сбросом пласта.

Это было *бешенство*.

Экран кругового обзора забоя, транслирующий картинку сквозь плазменные фильтры и квантовые сонары, внезапно вспыхнул ослепляющим бело-желтым светом. Порода перед ротором больше не была камнем. Она вспучивалась чудовищными, пузырящимися буграми, раскалываясь на куски размером с трехэтажный дом. Сквозь трещины хлестала не просто магма — это была сгущенная первородная плазма Нижнего Пекла, текучая, обладающая собственной искаженной волей.

— Прораб! Впереди разрыв пласта! — заорал оператор сканеров, вцепившись побелевшими пальцами в поручни кресла. — Магматическая каверна? Нет... Твою мать, это не каверна! Они внутри породы! Они жрут давление!

Из трещин расколотого базальта, переламывая плиты древней литосферы, полезли колоссальные сочленения.

Руки. Плечи. Рогатые венцы, сложенные из сверкающего черного обсидиана, скрепленного реками кипящего золота и серы.

****[Анализ сигнатуры цели завершен:]****

[Лавовый Титан Ядра (Древний страж Недр). Уровень: 420–450.]

[Классификация: Стихийный Гolem Первородного Огня.]

[Количество активных маркеров в зоне забоя: 74.]

[Статус: АГРЕССИЯ. Защита территориального суверенитета Ядра.]

[Особые свойства: Иммуниет к термическому урону, поглощение кинетической энергии до 400 000 МДж, способность к мгновенной сварке с окружающей породой.]

Первый из исполинов — чудовище высотой не менее тридцати метров, чья грудная клетка пульсировала адским светом миниатюрной сверхновой — вырвался из вскрытой толщи забоя. Его багровые пылающие глаза-жерла уставились прямо в тупую стальную морду «Горыныча». Для создания, рожденного в термодинамическом аду ста тысяч атмосфер, стальной цилиндр щита был дерзкой, оскверняющей занозой, вонзившейся в его плоть.

Титан запрокинул рогатую голову и издал рев. Этот звук не передавался по воздуху — воздуха здесь не существовало. Это была акустическая ударная волна в твердой среде, прошедшая сквозь грунт и ударившая в лобовой лист щита с мощностью взрыва тактического ядерного фугаса.

ДО-О-О-ОНННГ!

«Горыныч» содрогнулся всем своим тридцатитысячетонным телом. На щитовом настиле людей швырнуло на колени. С потолочных ферм сорвало связку запасных гидрошлангов, аварийное освещение мигнуло, заливая забой тревожным алым стробоскопом.

— Мать твою за ногу! — взревел Семёныч, сдирая с локтя сбитый наколенник. — Это что за черти из кочегарки повылазили?! Илья, они же нам всю планшайбу в гармошку согнут!

— Не согнут, — голос Ильи Берёзкина прозвучал пугающе ровно, словно треснувший лед на зимней реке.

Он стоял на мостике, намертво зафиксировав ноги магнитными подошвами тяжелых строительных ботинок. Его взгляд был прикован к центральному монитору, где отображались векторы нагрузок. Лавовые Титаны, повинаясь стадному инстинкту стихийных разрушителей, облепляли лобовую часть щита. Они вбивали свои каменные кулачищи прямо в щели для приема грунта, царапали когтями из закаленного карбункула защитные сегменты, пытались разорвать стальную оболочку корпуса, словно консервную банку.

Температура на внешнем кольце планшайбы подскочила до девяти тысяч градусов. Датчики сигнализировали об оплавлении внешних форсунок химзакрепления.

— Прораб, надо ставить контр-заряды! — крикнул второй механик, судорожно шелкая тумблерами контура защиты. — Зарядить термобарические заряды в пороодоотбойные окна! Отбросим их назад, во взрывную полость!

— Дурак! — рывкнул Берёзкин, и его рывк мгновенно заглушил вой аварийных зуммеров. — Какая взрывная полость?! Ты где находишься, салага?! Здесь сто тысяч атмосфер внешнего сжатия! Взорвешь забой — получишь кумулятивный обратный прорыв прямо в монтажную камеру! От нас даже пара в вентиляционном стволе не останется!

Берёзкин подошел к главному контроллеру роторного привода.

В ЛитРПП-интерфейсе, пылающем золотыми рунами прямо перед его сетчаткой, развернулась ветка профессиональных навыков легендарного класса:

[Класс: Верховный Метростроитель Бездны (Ранг: Мифический Первопроходец).]

[Доступна синхронизация с механизированным комплексом класса ТПМК-«Ультима».]

[Текущий резерв маны оператора: 480 000 / 480 000.]

[Активировать прямое нейроуправление режущим органом?]

— Подтверждаю, — прошептал Илья.

Его рука в огрубевшей перчатке легла на универсальный монтажный ключ. Артефакт древних инженеров шелкнул, его раздвижные губки вошли в специальный технологический

разъем центрального пульта. Синий свет полярного сияния брызнул во все стороны, вплетаясь в медные и оптоволоконные жилы щита.

[Связь установлена.]

[ТПМК «Горыныч-12М» признан вашим основным двуручным инструментом.]

[Базовый навык «Встречное фрезерование сверхтвердых пород» усилен до абсолютного предела!]

[Пассивный модификатор: «Алмазная сингулярность режущей кромки».]

[Прочность шарошек: БЕСКОНЕЧНОСТЬ (на время действия мана-потока).]

Берёзкин поднял глаза на побелевшего Михалыча:

— Михалыч. Главные электромоторы ротора — на принудительное замыкание шунтов.

Снять аварийные отсечки по крутящему моменту.

Михалыч остолбенел:

— Илья... Там же предел по редукторам! Если заклинит планшайбу — валы скрутит в штопор!

— Не заклинит, — оскалился Берёзкин, и в глубине его зрачков закрутились крошечные алмазные шестерни. — Они думают, что они владыки пламени и хозяева недр. А для меня они — просто негабаритный обломочный материал. Фракция повышенной вязкости. Запустить ротор! На полную мощность! ВРАЩЕНИЕ ВПРАВО!

Где-то в чреве щита взревели двенадцать планетарных планетарно-дифференциальных редукторов размером с железнодорожный вагон каждый.

Ротор «Горыныча» — колоссальное колесо диаметром в четырнадцать с половиной метров, ошетилившееся сотнями конических дисковых шарошек и зубков из закаленного вольфрам-адамантиевого сплава с лазерным напылением технического алмаза Бездны — вздрогнул.

Снаружи три титана висели прямо на центральной ступице. Их раскаленные лавовые тела растекались по стали, стараясь расплавить осевой подшипник. Когда колесо стронулось с места, главный исполин издал торжествующий рык, уперевшись лапами в режущие кромки и надеясь остановить вращение грубой силой мифического существа четырехсотого уровня.

Но это была не просто машина. Это был инструмент Воли Метростроителя.

ВЖ-Ж-Ж-Ж-Ж-И-И-И-И-И-У-У-У-У-Х!

Звук нарастающих оборотов перешел из басовитого гула в ультразвуковой визг, от которого во рту появился кислый привкус меди. Шарошки вошли в соприкосновение с телом титана.

Первые две секунды казалось, что физика берет свое: алмазные резцы высекли сноп ослепительных сине-зеленых плазменных искр. Воздух в забойной камере вспыхнул. Но следом вступил в силу закон классового превосходства:

[Навык «Алмазная сингулярность» активирован!]

[Эффект: Твердость резцов приравнена к абсолютной сингулярности (10.0 по расширенной шкале Мооса Бездны).]

[Игнорирование брони цели: 100%.]

[Дробление кристаллической решетки: КРИТИЧЕСКИЙ УСПЕХ.]

С чудовищным, чавкающим, утробным хрустом алмазные диски вгрызлись в базальтовую плоть чудовища.

Исполин взвыл — на этот раз не от ярости, а от абсолютного, животного ужаса. Его руки, способные крошить тектонические плиты, разлетелись в пыль за десятую долю секунды. Конические шарошки, вращающиеся со скоростью орудийных снарядов под давлением в сотни атмосфер, не просто резали — они скалывали породу. Они внедрялись в монолит огненного

тела, создавали зоны запредельного радиального напряжения и разрывали плазменную плоть изнутри.

[-1 450 000 HP! (Дробящий критический урон)]

[-2 890 000 HP! (Расклинивание микротрещин)]

[Цель: Лавовый Титан Ядра (Особь № 1) — ПОЛНОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ СТРУКТУРНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ.]

Исполин буквально лопнул. Его трехсоттонная туша, состоящая из полужидкой лавы, обсидианового скелета и концентрированной ярости, была втянута в зазор между вращающейся планшайбой и неподвижным козырьком щита.

Мощные скребки подхватили обломки, вдавливая их в приемные окна лобового листа.

— Пошел грунт! — дико закричал Семёныч, впившись взглядом в смотровое окно пульта. — Пошел, родимый! Гляньте, какая фракция! Никакого негабарита! Аккурат сорок на семьдесят, чистейший щебень!

— Не щебень, а отходы проходки, обогащенные титановой эссенцией, — поправил Берёзкин, сжимая рукоять контроллера. Мышцы на его шее вздулись канатами, сквозь комбез проступил пот, мгновенно испаряющийся в раскаленной атмосфере рубки. — Михалыч! Включить шнековый конвейер! Запустить первичную дробилку! Очистить призабойную зону!

Остальная орда титанов не успела отступить. Их примитивный коллективный разум, привыкший к тому, что любое смертное существо гибнет от одного вздоха Ядра, не мог осознать происходящего. Они лезли вперед, ведомые слепой жадой уничтожить вращающееся чудовище, и сами бросались в пасть механической мясорубке.

Это была не битва. Это был индустриальный забой скота в масштабах геологической эпохи.

Планшайба «Горыныча» резала огненных великанов, как циркулярная пила режет гнилые сосновые бревна. Когда три гиганта разом навалились на нижний квадрант ротора, пытаясь заклинить его своими торсами, Илья ударил кулаком по кнопке гидравлического маневра:

— Реверс на три четверти оборота! Подача домкратов — сто двадцать процентов! ВРЕЗАТЬСЯ!

Щит дернулся вперед. Пневмоударные резцы выдвинулись из пазов на сорок сантиметров и начали долбить с частотой тысячи ударов в минуту. Раскаленные титаны разлетались брызгами магмы, превращаясь в мелкий гравий прямо в забое.

Лог событий захлебывался строками текста, летящими со скоростью пулеметной ленты:

[Уничтожен: Лавовый Титан Ядра (Ур. 432). Получено: 850 000 EXP.]

[Уничтожен: Лавовый Титан Ядра (Ур. 445). Получено: 920 000 EXP.]

[Уничтожен: Лавовый Титан Ядра (Ур. 428). Получено: 810 000 EXP.]

[Получен ресурс: «Дробленый базальт Первородного Пламени» — 140 тонн.]

[Получен ресурс: «Сердечник Лавового Голема (Класс: Легендарный)» — 12 шт.]

[Энергия ядерного распада поглощена контуром терморекуперации щита.]

[Запас маны ТПМК пополнен на 15%.]

— Они заряжают наши батареи! — захохотал Михалыч, утирая пот с сажистого лба. — Прораб, они же на девяносто процентов из маны состоят! Котлы утилизаторов кипят! У нас давление пара зашкаливает, турбины генераторов поют!

— Направить избыток мощности на гидромоторы шнека! — скомандовал Илья. — Быстрее откачивать породу! Не давать ей спекаться в забое!

В чреве щита закрутился чудовищный шнек — гигантский стальной винт метрового диаметра, заключенный в толстостенную трубу. Он захватывал измельченную массу — смесь раздробленных титанов, кипящей лавы и базальтовой крошки — и с ревом волок ее назад, прочь от режущего органа, сбрасывая на ленточный перегружатель.

Там, охлаждаемая мощными струями криогенного бентонита, магма мгновенно остывала, превращаясь в черные, сверкающие кристаллами гранулы высокопрочного щебня. Этот гравий шел не в отвал. В соответствии с регламентом ресурсосбережения Мультиверса, конвейер гнал его прямо в бункеры растворного узла, где он тут же замешивался со свинцово-мифриловым цементом для заобделочного нагнетания!

Титаны Ядра, пришедшие разрушить туннель, перемалывались машиной и буквально через десять минут возвращались в стены этого же туннеля — но уже в виде сверхпрочного бетона, навеки запечатывающего породу!

— Вот это круговорот дерьма в природе! — восхищенно орал Семёныч, наблюдая, как раскаленный щебень с шипением падает в приемную воронку смесителя. — Сами пришли, сами перемололись, сами себя в стенку замуровали! Эй, черти огненные, подходи по одному, у нас раствора на второе кольцо не хватает!

Но титаны, похоже, начали понимать, что происходит.

Глухой, утробный гул прошелся по массиву. Оставшиеся в живых исполины — около двух десятков — внезапно прекратили лобовую атаку. Они отпрянули назад, растворяясь в раскаленной толще магматического озера, обнажившегося перед ротором.

В забое образовалась пустота.

Давление на режущий орган резко упало до нуля. Ротор, лишившись сопротивления породы, взвыл на холостых оборотах.

— Стоп вращение! — скомандовал Берёзкин. — Зафиксировать планшайбу. Продуть призабойную камеру инертным газом. Что там на сонарах?

Михалыч прильнул к экрану эхолокатора. Его улыбка мгновенно сползла с лица, сменившись выражением тупого, первобытного страха.

— Илья... Там не каверна. Там... глубина. Мы вскрыли купол Магматического Резервуара. И оттуда... оттуда идет что-то несусветное.

На голографической карте глубинного сканирования возник колоссальный красный маркер. Он не просто двигался — он поднимался из глубин Ядра с чудовищной скоростью, вытесняя перед собой миллионы тонн жидкого базальта.

[ТРЕВОГА МАКСИМАЛЬНОГО УРОВНЯ!]

[Зафиксировано пробуждение Территориального Доминанта!]

[Объект: Архимагматический Титан-Разрушитель, Пожиратель Пластов.]

[Уровень: 520 (Босс локации / Мифический страж Ядра).]

[Ориентировочная масса: 45 000 тонн.]

[Внимание: Плотность тела эквивалентна нейтронно-вырожденному веществу!]

Из кипящего озера перед щитом медленно, словно всплывающий со дна океана черный континент, поднялась фигура.

Это существо не было похоже на своих младших собратьев. У него не было гуманоидных очертаний. Это была циклопическая масса из спрессованного звездного железа и первородной темной плазмы, увенчанная шестью массивными отростками, похожими на лапы гигантского скорпиона или клешни горнопроходческого комбайна. В центре его плоского, лишённого глаз черепа зияло круглое жерло, внутри которого бурлил белоснежный вихрь чистого термоядерного синтеза.

Титан-Разрушитель посмотрел на стальной круг «Горыныча».

Ему не нужны были крики. Он просто раскрыл свои чудовищные клешни, шагнул вперед, погружая свои лапы прямо в лобовую плоскость забоя, и уперся ими в края стального корпуса щита.

Металл обшивки ТПМК толщиной в полметра захрустел.

— Просадка корпуса по левому борту — пятьдесят миллиметров! — сорванным голосом закричал оператор гидросистем. — Правый борт — трещина в секторе шестнадцать! Давление снаружи превысило расчетное в четыре раза! Нас сминают!

«Горыныч» скрипел всеми своими шпангоутами. Упорные цилиндры, держащие щит на первом кольце, начали с визгом травить масло через аварийные клапаны. Вся тридцатитысячетонная машина поползла назад, сминая собственную гидравлику!

— Первое кольцо! — крикнул Семёныч, падая на пол. — Он выдавит нас на первое кольцо! Если мы срежем упорами торцы блоков — нам конец! Вся трасса сложится, как карточный домик!

Берёзкин не ответил.

Он стоял, вцепившись в универсальный монтажный ключ. Его руки дрожали от напряжения, но в глазах горело яростное, упрямое пламя советского инженера, знающего: нет такой породы, которую нельзя пробурить, и нет такой твари, которую нельзя перемолоть, если правильно подобрать режим резания.

— Он хочет лобового сопротивления? — тихо, с леденящей душу усмешкой произнес Илья. — Он думает, что он самый твердый в этой Бездне?

Илья рванул тангенту аварийной связи:

— Внимание всему технологическому поезду! Говорит начальник смены Берёзкин! Экстренное торможение обратного хода! Заклинить механические цанги упоров в массив скалы! Михалыч... подать азот сверхкритического давления в центральный распределитель ротора!

Михалыч в ужасе повернул голову:

— Илья, если мы подадим туда жидкий азот при такой температуре снаружи — произойдет тепловой удар! Шарошки могут лопнуть!

— Либо лопнут шарошки, либо мы превратимся в лепешку толщиной в один тьюбинг! — отрезал Берёзкин. — Подать хладагент по моей команде! Включить режим «Ударно-вращательное бурение с микросингулярным смещением»! Навык строителя: «АРМАТУРА СУДЬБЫ»!

Берёзкин сорвал защитную крышку с красного тумблера и вогнал рукоять ключа в гнездо до упора.

[Активирован высший инженерный протокол: «НЕПОКОЛЕБИМОСТЬ ОСНОВАНИЯ»!]

[Корпус ТПМК объединяется с установленным Кольцом № 1 в единую кинематическую схему!]

[Прочность конструкции увеличена на 500% за счет расхода запаса маны!]

[Подача домкратов заблокирована: обратный ход ИСКЛЮЧЕН.]

Щит встал мертво. Металл завыл, но назад не сдвинулся ни на долю миллиметра. Вся колоссальная масса Архимагматического Титана натолкнулась на абсолютную, непробиваемую преграду. Тварь опешила — ее неодолимая мощь впервые встретила силу, превосходящую гравитацию умирающих звезд.

— А теперь, скотина... — прошипел Берёзкин, и его палец вдавил кнопку пуска. — Попробуй на зуб продукцию завода тяжелого машиностроения! РОТОР — ПУСК! ОХЛАЖДЕНИЕ — ЗАЛП!

В лобовую плоскость забоя, прямо в раскаленную морду титана, ударили шестнадцать форсунок высокого давления.

Но из них полилась не вода и не масло. Из них ударил сверхкритический жидкий азот, смешанный с алхимической эссенцией Абсолютного Ноля.

Физика Ядра сошла с ума.

Температура на контакте упала с девяти тысяч градусов до минус двухсот за миллионную долю секунды.

КР-Р-Р-Р-АХ!

Это был не звук удара. Это был звук, с которым раскаленное стекло трескается при падении в ледяную прорубь. Монолитная, сверхплотная броня Архититана покрылась паутиной чудовищных термических трещин. Его нейтронная плотность рухнула — кристаллические решетки внутри его тела потеряли пластичность, став хрупкими, как сухой графит.

И в эту же миллисекунду по треснувшему монолиту ударил ротор.

Двадцать тысяч оборотов в минуту. Пятьдесят тысяч тонн крутящего момента. Шесть сотен алмазных резцов, усиленных волей Великого Строителя.

Это был триумф тяжелой промышленности над слепой яростью первобытного хаоса.

Алмазные шарошки вонзились в трещины титановой плоти. Раздался грохот такой силы, что приборы в кабине на мгновение ослепли, выдав сплошную полосу белого шума. Зубья щита крошили сверхплотный обсидиан, срезали целые пласты раскаленного металла, дробили суставы циклопических клешней.

Титан попытался отшатнуться, но было поздно: чудовищная тяга шнекового заборника создала в камере зону глубокого разрежения. Монстра буквально засасывало в режущий диск, притягивало к стальной вращающейся стене, перемалывающей его клеточную структуру в пыль.

[КРИТИЧЕСКИЙ УДАР! Срезан главный силовой узел цели!]

[КРИТИЧЕСКИЙ УДАР! Раздроблен термоядерный генератор плазмы!]

[-18 500 000 НР!]

[-34 000 000 НР!]

[Архимагматический Титан-Разрушитель теряет устойчивость формы!]

Его центральное жерло, сиявшее белым огнем, раскололось под ударом центрального конусного бура. Ослепительный сноп фотонной энергии брызнул в смотровые бронестекла, заставив рабочих зажмуриться даже сквозь темные светофильтры скафандров.

— Дроби его, Илюха! Дроби в муку! — орал Семёныч, колотя кулаком по панели. — Нам засыпка нужна! Нам подушку под рельсы отсыпать нечем! Дроби под щебеночный балласт, чертову куклу!

Берёзкин не слышал криков. Он слился с машиной. Он чувствовал каждую из шестисот шарошек, как собственные пальцы. Он ощущал, где порода оказывает сопротивление, и мгновенно перераспределял давление гидравлики: ослаблял верхний сектор, перебрасывал поток на нижний, вгрызался глубже, срезая последний оплот сопротивления древнего стража.

С финальным, оглушительным, металлическим стоном тело титана распалось на миллионы кусков.

Центральный бур «Горыныча» пробил ядро монстра насквозь. Вихрь термоядерного распада был мгновенно высосан аварийными контурами утилизации тепла, превратившись в триллионы киловатт электроэнергии, которая с гулом растеклась по накопительным конденсаторам щита.

[ЦЕЛЬ УНИЧТОЖЕНА!]

[Вы уничтожили: Архимагматический Титан-Разрушитель (Ур. 520).]

[Получен уникальный титул: «Дробитель Титанов».]

[Эффект титула: Скорость проходки в пластах магматических аномалий увеличена на 25%. Износ резцов снижен на 40%.]

[Лут распределен в материальный накопитель:]

— Первородное звездное железо (сверхвысокая чистота) — 8 400 тонн.

— Осколок Пылающего Сердца Бездны (Ранг: Божественный материал) — 1 шт.

— Опыт: 150 000 000 (уровень повышен!).]

В забое внезапно воцарилась тишина.

Она не была абсолютной — тяжело, с хрипом дышали турбины охлаждения, шелкали остывающие гидравлические магистрали, мерно и спокойно урчал шнековый транспортер, докачивая последние тонны измельченного черного гравия из призабойной камеры. Но грохот битвы, сотрясавший мироздание последние полчаса, смолк.

На экранах кругового обзора больше не было огненной орды.

Остатки лавовых титанов — мелкие искры, испуганно мерцающие в толще базальта — в панике уходили вглубь пласта, зарываясь в недостижимые слои мантии. Древний разум недр понял: это железное чудовище нельзя остановить. Его нельзя сжечь. Его нельзя раздавить. Оно не борется со стихией — оно делает из нее строительный материал.

— Обороты ротора — ноль, — выдохнул Михалыч, уронив руки на колени. Его комбинезон насквозь промок от пота, лицо было серым от пережитого стресса, но губы дрожали в безумной улыбке. — Мы... мы его перемололи. Целиком. Под ноль.

Семёныч медленно подошел к окну ревизионного люка шнека, откинул броневую заслонку и заглянул внутрь.

Там, по широкому стальному желобу, ровным, шелестящим потоком струилась идеальная, фракционная, остывшая до темно-вишневого цвета щебенка. Ни одного куска крупнее кулака. Идеальный гранитный отсев Бездны, смешанный с редчайшими тугоплавкими металлами.

Старый проходчик запустил руку в инспекционный карман, зачерпнул горсть теплого, мерцающего синими искрами гравия и поднес его к глазам.

— Мать честная... — пробормотал он с благоговением. — Да за такой кубометр на Верхних Уровнях эльфы бы свои летающие города заложили... А у нас его тут — тридцать вагонов насыпало. И прямо в забой.

Берёзкин медленно вытащил универсальный ключ из разъема пульта. Синее свечение погасло. На лбу Ильи залегла глубокая складка усталости, но глаза смотрели вперед — сквозь сталь, сквозь забой, в бескрайнюю темноту проектной трассы.

Он подошел к микрофону командной связи.

Его голос, спокойный, хриплый, пахнувший озоном и жженым металлом, разнесся по всем технологическим тележкам, по всем стволам и подходным штольням до самого нулевого горизонта:

— Забой очищен. Геологическая аномалия ликвидирована силами щитового комплекса. Негабарит переработан во вторичное сырье.

Илья сделал паузу, взглянув на хронометр смены.

— Бригаде монтажников — закончить осмотр крепежных узлов первого кольца. Проверить соосность. Блокоукладчику — подать элементы Кольца номер два. Растворному узлу — начать непрерывное нагнетание модифицированного титанового раствора за спинку крепи.

Он повернулся к Михалычу и Семёнычу, и на его закопченном лице снова мелькнула та самая, знакомая всей Бездне упрямая ухмылка:

— Хватит прохлаждаться, мужики. План по проходке никто не отменял. До станции «Сердце Инферно» еще сорок километров скалы. Включай домкраты подачи. Пошли на второе кольцо!

Глава 4. Разметка Кольца

Гидравлика взревела низким, утробным басом, от которого завибрировали кости в грудной клетке. Двенадцать главных домкратов подачи — исполинские хромированные цилиндры толщиной с вековой дуб каждый — уперлись своими опорными башмаками в свежеложенные чугунные тубинги первого кольца.

Металл застонал, принимая нагрузку в тридцать тысяч тонн. Стыковые болты, стянутые пневмогайковертами с моментом затяжки в полторы тысячи ньютон-метров, глухо звякнули, выбирая микроскопические технологические зазоры. Прокладки из освинцованной резины и вулканизированной жилы пустотного спрута сплющились, намертво герметизируя шов от прорыва ядовитых газов и перегретого inferнального пара.

— Пошло родимое! — перекрывая гул маслостанций, гаркнул Михалыч. Его замасленные пальцы в брезентовых рукавицах лежали на рукоятках распределительного щита. Стрелки манометров высокого контура дрожали на отметке в четыреста атмосфер. — Скорость подачи — три миллиметра в секунду! Перекос по правому борту — ноль целых две десятых! Оболочка щита чистая, трения нет!

Илья Берёзкин стоял на технологическом мостике первой тележки комплекса «Архитектор Бездны-9М», вцепившись руками в рифленые перила. В лицо бил тяжелый, горячий сквозняк, пахнувший машинным маслом, свежеразмолотым базальтом и терпкой гарью пережженной маны.

Перед ним, в пяти метрах над головой, монорельсовый блокоукладчик подхватил вакуумным захватом многотонный сегмент второго кольца. Чугунная плита, отлитая с добавлением термостойкого адамантита и покрытая матовым антикоррозийным составом темно-серого цвета, плавно поплыла по воздуху. Шесть степеней свободы. Автоматика позиционирования, питаемая кристаллами истинного кварца, тихо пощелкивала, подгоняя блок с точностью до десятой доли миллиметра к проектной отметке.

— Раствор пошел в затрубное! — доложил по селектору диспетчер растворного узла. — Давление нагнетания — двенадцать бар! Модифицированная титановая смесь схватывается штатно, экзотермическая реакция в пределах нормы!

В глубине горной породы за чугунной рубашкой тоннеля раздалось глухое чавканье: жидкий камень, усиленный связующими чарами прочности десятого ранга, заполнял пустоту между спинкой крепи и разорванной монолитной скалой, превращая тоннель в монолитную трубу, способную выдержать давление целого пласта тектонических плит.

Берёзкин опустил взгляд на тактический планшет, закрепленный на предплечье экзоскелета. Зеленые строчки системного интерфейса рябили, непрерывно обновляя телеметрию:

[Статус проходческого комплекса «Архитектор Бездны-9М»: АКТИВЕН]

[Пройдено за текущую смену: 2.8 метра]

[Скорость проходки: 1.2 м/час]

[Состояние режущего инструмента ротора: 94.2%]

[Температура призабойной зоны: +148 °C]

[Внешнее геостатическое давление: 8 400 т/м²]

[Концентрация эфирного фона Бездны: 1 200 мЗв/ч (Критический уровень для неукрепленной органики)]

Семёныч, вытерев ветошью лоб, подошел к Илье и облокотился на поручень рядом с ним. В зубах старого проходчика дымилась неизменная «Беломорина», скрученная из огнеупорной асбестовой бумаги и сухого пещерного мха — единственной отравы, способной тлеть в перенасыщенном углекислотой воздухе забоя.

— Второе кольцо встанет как влитое, командир, — сипло проговорил старик, прищурившись на пляшущие синие огни плазменных резаков вспомогательного контура. — Но ты мне зубы не заговаривай. Мы перетерли ту гадину, спору нет. Шнек справился. Только ведь приборы врут. Ты на гироскопы глянь.

Илья молча переключил экран планшета в режим маркшейдерской навигации.

Цифровой горизонт плыл. Лазерные визиры, пробивавшие полукилометровый ствол тоннеля от самой нулевой камеры, дрожали, размываясь в мутные эллипсы. Пространство искрив-

лялось. Лазерный луч, шедший по прямой физической траектории, внутри метрического поля этого горизонта заворачивал влево на четыре угловые секунды на каждые сто метров проходки.

— Гравитационный сдвиг, — коротко бросил Берёзкин. — Металлическое ядро.

— Оно самое, — сплюнул Семёныч под ноги, на рифленую сталь настила. — Мы к нему только примериваемся, до проектной бровки еще верст сорок с гаком, а эта железная дура уже выворачивает нам компасы наизнанку. Если пойдем по стандартным теодолитам — мы не то что в «Сердце Инферно» не попадем, мы через триста метров штольни собственный хвост догоним и сами себе в бочину ротором врубимся. Будет не метро, а бублик Мебиуса.

— Не будет бублика, Семёныч, — отрезал Илья. Глаза его блеснули холодным, упрямым огоньком, характерным для людей, привыкших спорить не с начальством, а с сопроматом и законами сохранения энергии. — Потому что на прямой проходке этот щит больше не идет. Мы закончили подходную штольню. Всё, мужики. Подготовительный этап завершен.

Он нажал комбинацию клавиш на пульте управления связью:

— Всем постам, внимание. Говорит начальник участка Берёзкин. Монтажникам закончить установку ключевого блока кольца номер два и зафиксировать геодезические консоли. Главным домкратам — сбросить давление до удержания. Стоп проходка. Переходим в режим генеральной разметки. Маркшейдерской группе развернуть квантово-третиевые маяки нулевого класса.

По технологическому поезду прокатилась волна команд. Взревели гидравлические тормоза тележек, затих вой шнекового транспортера, остывающий щебень в лотке перестал шелестеть, оседая тяжелой, тускло светящейся массой. В наступившей относительной тишине стал слышен истинный голос Бездны.

Это не было молчанием. Из глубин скального массива, сквозь сотни метров сверхплотного гранита и адамантитовых жил, доносился низкий, инфразвуковой гул. Звук циклопического колокола, вибрирующего на частоте около трех герц. Пульс планетарного сердца. Там, внизу, под подошвой их тоннеля, покоилось то, ради чего Система загнала сюда бригаду Берёзкина на сто двадцать втором томе их бесконечной трудовой эпопеи.

Металлическое ядро Инферно.

Шарообразная масса из вырожденного железа, нейтронного конденсата и первородной материи плотностью свыше двадцати граммов на кубический сантиметр. Раскаленная до белого каления, запертая в тиски гравитационного и магического коллапса, вращающаяся с чудовищным угловым моментом.

Перед глазами Ильи раскрылось золотистое диалоговое окно системного задания легендарного ранга.

[ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ: «БОЛЬШОЕ КОЛЬЦО БЕЗДНЫ»]

[Тип объекта: Магистральная двухпутная замкнутая транспортная система глубокого заложения]

[Расчетная протяженность внешнего контура: 1 200.000 км]

[Диаметр трассы: ~381.97 км]

[Энергетический фокус: Сверхплотное Металлическое Ядро 0-го Горизонта]

[Допустимая погрешность замыкания кольцевой трассы: не более ± 15 мм на 1 200 км пути]

[ВНИМАНИЕ! При превышении погрешности свыше 50 мм возникнет эффект неевклидова пространственного разрыва. Трасса замкнется в темпоральную петлю с уничтожением всего проходческого состава]

[Текущая задача: Формирование опорного геодезического контура и привязка нулевого репера]

[Награда за успешную разметку: Открытие строительного суб-класса «Архитектор Пространственных Магистралей», +25 000 000 опыта бригады, разблокировка поставок чугунных тьюбингов тяжелого экранирования]

— Пятнадцать миллиметров... — тихо, словно прочитав текст через плечо командира, выдохнул подошедший Михалыч. Лицо механика побелело под слоем копоти. — Пятнадцать миллиметров на тысячу двести верст по кругу?! Да у нас температурное расширение рельса на одном перегоне больше дает! Летом солнце пригреет — и всё, приплыли!

— Дурак ты, Михалыч, хоть и механизатор первого класса, — беззлобно осклабился Семёныч, сбивая окурки в ковш породопогрузчика. — Какое тебе тут солнце? Тут тебе не Сокольники и не Выхино. Тут сверху сорок километров сплошного адамантита, а снизу — железная преисподняя. Здесь температура одна на все времена: адская.

— Дело не в температуре, — Илья расстегнул ворот защитной куртки, обнажая шею, покрытую переплетающимися синими татуировками рунических контуров заземления. — Температурное расширение компенсируется бесстыковым путем на упругих клеммах с гидрокompенсаторами в подошве балластной призмы. Это чистая инженерия третьего уровня, мы ее еще на девяностом томе в Склепах Вечности обкатали. Проблема в геометрии. Пространство вокруг Ядра свернуто. Закон Архимеда здесь хромает, а Евклид вообще повесился бы на первом же перекуре.

Берёзкин спрыгнул с мостика на балластную призму. Тяжелые ботинки с подошвами из поляризованного титана глухо хрустнули по свежей щебенке. Он подошел к самому краю защитного козырька ротора.

Здесь, за пределами бронированного корпуса щита, начиналась голая целина забоя. Скальная порода — антрацитово-черный базальт, прошитый огненными прожилками нативного inferнального золота — сочилась жаром. Воздух дрожал от марева.

Илья засунул руку во внутренний карман разгрузочного жилета и извлек тяжелый металлический футляр, покрытый гравировкой глубокого травления. Внутри, на бархатной подложке из огнеупорного шелка, покоился прибор, стоивший больше, чем годовой бюджет среднего герцогства на Верхних Уровнях: Квантово-эфирный маркшейдерский репер «Зенит-Ультима».

Шестигранный стержень из гипер-карбида вольфрама, внутри которого, в абсолютном вакууме магнитной ловушки, парила крошечная капля сжатого пространства — осколок погибшей нейтронной звезды, стабилизированный рунами Вечного Покоя.

— Парни, готовь буровую коронку малого диаметра, — скомандовал Илья. — В лоб забоя, строго в оптическую ось тоннеля. Глубина — четыре метра. Диаметр — семьдесят шесть миллиметров. Бурить на сухую, с продувкой инертным аргоном. Ни капли воды, иначе вскипит и разорвет шпур.

— Есть на сухую! — отозвался с нижней площадки забойщик в глухом защитном шлеме.

Малая пневматическая стрела с алмазной коронкой с визгом вгрызлась в монолит. Черная, похожая на порох каменная мука брызнула из шпура под давлением газовой струи. Воздух наполнился запахом кварца и серы. Четыре метра были пройдены за пять минут — закаленный в десятках миров инструмент резал древнюю породу как мыло.

Когда бур извлекли, из круглого черного отверстия пахло могильным, замogiльным холодом глубинного вакуума — скала на таком горизонте уже не удерживала воздух, она пожирала его.

Берёзкин подошел к шпуру, держа в руках репер.

— Системный запрос: подтверждение прав Главного Инженера участка, — четко произнес он в пустоту тоннеля.

В воздухе перед его глазами материализовалась темно-багровая печать скрещенных отбойного молотка и теодолита:

[Личность идентифицирована: Илья Берёзкин]

[Класс: Архитектор-Метростроитель Бездны (Легендарный)]

[Уровень: 348]

[Доступ к управлению пространственными метриками: РАЗРЕШЕН]

— Активировать навык: «Абсолютная привязка к горизонту событий», — приказал Илья.

Его руки вспыхнули ровным лазурным пламенем. Пламя не обжигало перчаток, но металл репера отозвался на него низким вибрирующим звоном. Стержень вошел в просверленный шпур плавно, словно в кусок подтаявшего сливочного масла.

Как только торец репера поравнялся с плоскостью скалы, Илья ударил по нему тыльной стороной ладони, впечатывая импульс своей маны в самое сердце артефакта.

ДЗЫНЬ.

Звук был чистым, тонким, словно лопнула хрустальная струна размером с горизонт.

В ту же секунду от шпура во все стороны по черному базальту брызнули тончайшие золотые паутинки светящихся геодезических линий. Они расползались по забою, переклестывали через режущие кромки шарошек ротора, избегали по цилиндрической оболочке щита, перескакивали на чугунные кольца тубинговой крепи и уносились назад, во тьму готового тоннеля, сшивая реальность воедино.

[Репер № 0001 установлен]

[Координаты в мета-системе координат Инферно: X: 0.000000; Y: 0.000000; Z: 0.000000]

[Истинный гравитационный вектор зафиксирован]

[Искажение пространства компенсировано в радиусе 50 метров]

Дрожание лазерных лучей мгновенно прекратилось. Красные световые нити вытянулись в идеальные, бритвенно-острые прямые. Искривление метрики замерло, натолкнувшись на непреодолимую плотность стабилизированного репера.

Семёныч стянул рукавицу и осторожно потрогал светящуюся линию на чугуне:

— Стоит... Мать ее за ногу, стоит мертво. Даже не вибрирует.

— Это только первый колышек, дед, — устало улыбнулся Берёзкин, выпрямляясь и разминая затекшую поясницу. — Мы забили гвоздь в подошву мироздания. Теперь надо натянуть шнурку. На тысячу двести километров.

Он повернулся к Михалычу:

— Выводи на проектор пространственную топологию горизонта. Будем чертить Кольцо.

Механик метнулся к стойке управления. С потолка технологического мостика опустилась полусфера проектора дальнего сканирования. Зеленые и янтарные лучи перекрестились в воздухе над приборной панелью, формируя трехмерную голографическую модель сектора.

Бригада монтажников, побросав ключи и ломы, подошла ближе, замороженно глядя на светящийся объем.

В центре проекции пылал шар.

Даже в виде голограммы уменьшенного масштаба Металлическое Ядро внушало первобытный ужас. Оно не было гладким. Его поверхность напоминала кипящий океан черной ртути, из которого вздымались циклопические протуберанцы магнитного поля высотой в десятки тысяч километров. Они изгибались исполинскими арками, замыкаясь сами на себя и порождая вихри гравитационных аномалий. Вокруг этого титана кружилась тонкая, едва заметная пыль — внешняя кора Бездны, тот самый скальный массив, в толще которого сейчас находился крошечный, почти невидимый цилиндр их проходческого щита.

— Вот мы где, — Михалыч ткнул толстым пальцем в светящуюся зеленую точку на внешней границе проекции. — Песчинка в шестеренках господних.

— Радиус орбиты трассы от центра массы Ядра — сто девяносто один километр округленно, — начал раскладку Берёзкин, и его голос зазвучал сухими, чеканными интонациями университетского лектора, сквозь которые пробивалась несокрушимая воля строителя. — При таком радиусе длина окружности составляет ровно одну тысячу двести километров пятьдесят шесть метров и тридцать сантиметров. Лишние пятьдесят шесть метров мы снивелируем переходными кривыми на въездах в главные станционные комплексы.

Он провел пальцем в воздухе, и вслед за его движением в голограмме вспыхнула идеальная окружность рубинового цвета, опоясавшая ревущий шар Ядра.

— Смотрите сюда, мужики. Мы стоим вот здесь. Это пикет ноль плюс ноль-ноль. Станция примыкания «Нулевой Рубеж». Отсюда трасса уходит по пологой дуге с постоянным радиусом кривизны. Первое препятствие — через сорок километров. Станция «Сердце Инферно». Там температурный пик: породы прогреты до четырехсот градусов, придется включать криогенную рубашку тоннеля и нагнетать жидкий азот перед забоем.

— Пройдем, — хмуро бросил бригадир монтажников, кряжистый мужик с квадратной челюстью по прозвищу Бульдозер. — Не такое варили. В девяносто восьмом томе сквозь магматический карман без скафандров чугунку гнали. Главное, чтоб поставка тубингов не сорвалась.

— Тубинги будут, — кивнул Илья. — Но дальше — хуже. На отметке триста километров мы входим в зону гравитационного резонанса Северного Полюса Ядра. Там вес породы падает до нуля. Невесомость, мужики. Порода превращается в пылевую взвесь под давлением. Если потеряем натяжение контура — щит просто всплывет в хаосе и переломит трассу.

— Значит, придется ставить анкерные распорки через каждые два метра, — на лету прикинул Семёныч, прищурившись на красную нить трассы. — И домкраты брать с двойным ходом штока, чтобы не потерять упор при смене колец.

— Верно мыслишь, дед, — согласился Илья. — Но самое веселое ждет нас на шестисотом километре. Точно с противоположной стороны от нашей текущей точки. Диаметрально противоположный узел. Станция «Антипод». Там скалы нет вообще.

В рубке повисла тишина. Даже мерный рокот вспомогательных дизелей словно стал тише.

— Как это — нет скалы? — нахмурился Михалыч. — А в чем копать-то?

— В Пустоте, — спокойно ответил Берёзкин. — Пространственный разлом шириной в восемьдесят километров. Тектонический сброс Бездны, уходящий в нижние слои Небытия. Мы должны проложить тоннель сквозь ничто. Подвесной кессонный мост на силовых полях с опорой на встречные гравитационные струны Ядра.

Мужики переглянулись. Кто-то нервно хохотнул, кто-то почесал затылок под каской. Прокладка метро сквозь абсолютное ничто посреди адамантитовых толщ Бездны звучала как бред сумасшедшего. Но для бригады, прошедшей с Берёзкиным больше ста томов непрерывной проходки, это была просто очередная проектная задача. Сложнее, чем обычно, но в пределах СНиПа. Если СНиП подправить ломом и системной магией.

— Ладно, мост так мост, — вздохнул Бульдозер. — С моста хоть вид красивый будет. А размечать-то эту кишку как будем? Если там пустота, во что реперы колотить? В воздух?

— Для этого мы здесь и собрались, — Илья подошел к центральному навигационному терминалу. — Мы создадим активный триангуляционный каркас. Не механический — эфирно-волновой. Мы свяжем пространство вокруг Ядра в жесткую геометрическую сетку еще до того, как щит сделает следующий шаг.

Он активировал главный интерфейс управления маркшейдерской сетью:

[Активация режима: «ГЕОДЕЗИЧЕСКИЙ КАРКАС КОЛЬЦА»]

[Требуется запуск зондов глубокой триангуляции: 12 единиц]

[Тип зондов: Сейсмо-гравитационные стрелы «Пеленг-12»]

[Цель: Формирование двенадцати базовых узлов интерполяции трассы]

— Михалыч, готовь пусковые установки импульсного бурения! — приказал Берёзкин.
— Будем стрелять сквозь массив.

На внешней обшивке щитового комплекса, прямо за роторным кольцом, с лязгом распахнулись двенадцать тяжелых броневых створок. Из открывшихся шахт выдвинулись массивные трубчатые направляющие, похожие на стволы корабельных орудий главного калибра. Внутри каждой тускло мерцали вольфрамовые сердечники стреловидных зондов, стабилизированные антимагнитными подвесами.

Это были не просто буры. Это были геодезические торпеды Бездны — автономные снаряды с кумулятивными плазменными наконечниками, способные пробивать десятки километров сверхплотной породы по заданной траектории, оставляя за собой тончайший, толщиной с паутинку, след из полимеризованного пространственного эфира.

— Сектор один — готов! — доложил Михалыч, вцепившись в гашетки дистанционного спуска. — Угол возвышения — плюс три градуса двенадцать минут. Азимут — строго по касательной к магнитному экватору Ядра!

— Сектор два — готов! — отозвался оператор навигационной стойки.

— Залп по готовности с интервалом в полторы секунды! — скомандовал Илья, опуская защитный щиток своего шлема. — Пошлите им привет от Метростроя!

Грохот первого выстрела заставил содрогнуться всю сорокаметровую тушу проходческого комплекса. Сжатый воздух пневматических катапульти сработал одновременно с детонацией твердотопливных шашек разгона. Первый зонд сорвался с направляющей, с визгом пробил специальный технологический порт в грунтопригрузочной камере и ушел в черную толщу гранита перед щитом.

Скала не просто треснула — она взорвалась мириадами микроскопических трещин, которые тут же затягивались расплавом под действием высокочастотной плазмы на наконечнике стрелы.

БАХ! БАХ! БАХ!

Каждые полторы секунды технологический мостик под ногами людей вздрагивал, словно гигантский молот бил по наковальне. Двенадцать выстрелов. Двенадцать огненных трасс прочертили древний, нетронутый со времен сотворения мира массив.

Они расходились веером, огибая раскаленное чудовище Металлического Ядра. Снаряды не летели по прямым — подчиняясь гравитации гиганта, они затягивались в его силовое поле, выгибаясь по идеальной круговой дуге. Они летели сквозь слои адамантита, сквозь подземные озера кипящей серы, сквозь колонии спящих в базальте кремниевых червей, прошивая саму плоть преисподней на гиперзвуковой скорости.

И следом за каждым зондом тянулась мерцающая, нерушимая нить квантовой связи.

На голографической проекции в рубке щита это выглядело так, словно слепой паук выпускал свои первые паутинки в пустоту ночи. Зеленые лучи огибали черное пылающее Ядро. Один за другим на дисплее вспыхивали статусные индикаторы:

[Узел № 1: Дистанция 100 км — ЗАФИКСИРОВАН]

[Узел № 2: Дистанция 200 км — ЗАФИКСИРОВАН]

[Узел № 3: Дистанция 300 км — ЗАФИКСИРОВАН]

...

[Узел № 11: Дистанция 1 100 км — ЗАФИКСИРОВАН]

Воздух в забое накалился до предела. От статических разрядов, генерируемых натянутыми силовыми линиями, по каскам и поручням побежали бледно-голубые огоньки святого Эльма. Запахло свежим, высокогорным озоном — диким и неуместным посреди этой адской печи.

— Одиннадцатый встал! — орал Михалыч, срывая голос. — Двенадцатый пошел на замыкание! Дистанция — тысяча сто пятьдесят... тысяча сто восемьдесят...

Илья затаил дыхание. Его пальцы судорожно сжались на рифленой кромке пульта. Это был критический момент. Если зонд номер двенадцать, обогнув всю планету по замкнутой траектории в тысячу двести километров, отклонится хотя бы на толщину ладони — контур не замкнется. Эфирные струны сорвутся с замков, и высвободившаяся энергия пространственного резонанса сотрет щитовой комплекс в пыль вместе со всей бригадой.

— Сорок метров до точки встречи! — кричал селектор голосом маркшейдера. — Тридцать! Двадцать! Лови его, Илья! Лови ручным захватом, автопилот сносит боковым вихрем!

Берёзкин не раздумывал ни доли секунды.

Его сознание вырвалось из физического тела, подстегнутое легендарным навыком класса. Время замедлило свой бег. Он увидел забой не глазами человека, а внутренним взором инженера-демиурга.

Сквозь толщу базальта, прямо навстречу щиту с противоположной стороны породы, на скорости трех махов неслась раскаленная добела игла двенадцатого зонда. Ее траекторию неумолимо сносило вправо чудовищным магнитным выбросом из глубин Ядра. Ошибка составляла уже сорок миллиметров. Сорок пять. Критическая черта!

— Стоять, зараза, — прохрипел Илья сквозь стиснутые зубы. Кровь брызнула из ноздри, заливая подбородок — ментальная нагрузка превысила все мыслимые лимиты Системы. — Куда прешь мимо кассы?! У меня план! У меня сдача объекта в третьем квартале!

Он мысленно вцепился обеими руками в пространственную метрику вокруг несущейся стрелы. Сила воли метростроевца, помноженная на триста сорок восемь уровней упрямства, согнула законы физики.

Пространство перед наконечником зонда сжалось, создавая искусственную гравитационную яму. Игла вильнула, подчиняясь воле Главного Инженера, выправила курс и вошла точно в технологический уловитель на левом борту головной части комплекса.

ХЛОПОК.

Это не был взрыв. Это был звук схлопнувшегося вакуума.

В ту же секунду последняя эфирная нить защелкнулась в замке нулевого репера.

Двенадцать точек сошлись. Двенадцать векторов слились в единое, неразрывное, пульсирующее чистым изумрудным светом кольцо.

Волна невидимой, но физически ощутимой стабильности прокатилась по тоннелю. Пространство, секунду назад дрожащее и готовое разорваться в клочья, вдруг застыло, обретая гранитную монолитность. Все приборы на панели управления замерли, выдав идеальные, абсолютно неподвижные показания.

Голограмма над мостиком вспыхнула ослепительным золотом:

[ВНИМАНИЕ! ГЕОДЕЗИЧЕСКИЙ КОНТУР УСПЕШНО СФОРМИРОВАН!]

[Замкнутость трассы: 100.0000%]

[Истинная длина Кольцевой Линии: 1 200 000.000 метров]

[Погрешность замыкания: 1.8 миллиметра (Превосходный результат! Исторический рекорд Системы!)]

[Пространственная метрика стабилизирована на всем протяжении трассы]

[Зарегистрирован объект общесистемного значения: «Большое Кольцо Инферно»]

[Начальнику участка Илье Берёзкину присвоен титул: «Укротитель Кризисны»]

[Получено очков опыта: 35 000 000 (с учетом бонуса за точность)]

[Уровень повышен! Ваш текущий уровень: 349!]

[Уровень повышен! Ваш текущий уровень: 350!]

В рубке стояла мертвая тишина. Мужики смотрели на золотое кольцо, висящее в воздухе вокруг черного Ядра, и боялись пошевелиться, словно их дыхание могло разрушить эту хрупкую, совершенную математическую гармонию.

Потом Семёныч медленно снял каску, вытер лысину засаленным рукавом и протяжно выдохнул:

— Ну, ни хрена ж себе шнурку натянули...

Взрыв хохота и победных криков разорвал оцепенение. Бульдозер сгреб в охапку шуплого маркшейдера и закружил его по настилу, едва не выронив в лоток шнека. Михалыч с остервенением молотил кулаком по кожуху маслостанции, выкрикивая что-то абсолютно нечленораздельное, но полное первобытного восторга.

Илья стоял, привалившись плечом к стальной стойке, и медленно вытирал тыльной стороной ладони кровь с лица. Руки мелко подрагивали от пережитого перенапряжения, в висках молотом стучал пульс, но на душе было непривычно легко и пусто.

Работала геодезия. Работала советская школа подземного строительства, скрещенная с магией высших порядков Бездны. Никакой хаос, никакие древние боги и сингулярности не могли противостоять миллиметровой разметке, когда за дело брались профессионалы.

Семёныч подошел к нему, протягивая закопченный жестяной термос:

— На, испей чайку, герой Советского Союза. Заслужил. Чифирь чистый, на корнях ядовитого папоротника настоян. Сразу мозги на место вправит.

Илья принял термос, обжегся о край и сделал глубокий, терпкий глоток. Горячая горечь обожгла горло, смывая привкус меди и озона. По жилам разлилось тяжелое, живительное тепло.

— Спасибо, дед.

— Да брось ты, — старик с уважением посмотрел на светящийся в глубине скалы нулевой репер. — Теперь-то что? Разметили. Контур держится. Дорожка нарисована.

Берёзкин опустил термос и посмотрел вперед — туда, где за режущим органом щита ждала своей участи немая, непокорная скала. Теперь она не была страшной. Она больше не была неведомой Бездной.

Она стала технологическим объемом выемки грунта. Пикетами, метрами, кубометрами породы, которую нужно было перемолоть, погрузить на ленту и выдать на-гора.

— А теперь, Семёныч, начинается самое простое, — Илья поставил термос на панель и решительно подошел к микрофону командной связи.

Лицо его снова стало жестким, собранным и деловым. Глаза инженера смотрели сквозь толщу камня на тысячу двести километров вперед — через лавовые озера, сквозь ледяное Небытие, через гравитационные шторма прямо к конечной точке их бесконечного маршрута.

— Внимание всей бригаде! Праздник окончен. Закончить регламентные работы на вспомогательных узлах. Запустить насосы подачи бентонитовой суспензии для смазки оболочки щита. Блокоукладчику — принять кольцо номер три!

Он повернулся к Михалычу, который уже замер на своем рабочем месте, положив руки на рычаги главного гидравлического привода.

— Ну что, механизатор, контур замкнут, ориентиры ясны. Давай им давление в цилиндры. План — двадцать метров до конца смены. Поехали!

Михалыч хищно осклабил и вдавил рычаги от себя:

— Поехали, командир!

Гидравлика взвыла с новой, удесастеренной яростью. Главный ротор «Архитектора Бездны-9М» провернулся, оглашая пещеру победным визгом победитовых резцов, вгрызающихся в черную плоть базальта.

Кольцо Бесконечности начало свой путь.

Глава 5. Беглые Инженеры

Забой ревел. Это был не хаотичный гул разрушения, а плотный, ритмичный, почти музыкальный рокот тяжелой индустрии, побеждающей первобытный хаос глубин. Двадцать четыре гидроцилиндра подачи, развивая колоссальное суммарное усилие в три тысячи тонн, неумолимо вжимали планшайбу тоннелепроходческого механизированного комплекса в базальтовую толщу.

Победитовые шарошки дробили камень в щебень. Резцы скалывали породу пластами. В замкнутом пространстве призабойной камеры стоял густой туман из распыляемой воды и охлажденного бентонита — высокомолекулярная взвесь с шипением подавалась через форсунки прямо в зону резания, осаждая пыль и не позволяя резцам раскалиться добела от чудовищного трения об адамантиновые прожилки.

Перед глазами Ильи мерно пульсировал полупрозрачный интерфейс Системы:

[Внимание: Ведется проходка пикета ПК-0+14.2]

[Скорость подачи щита: 48 мм/мин]

[Давление в гидросистеме: 320 бар. Стабильно]

[Сопротивление породы: Категория IX (Сверхпрочные магматические базальты Бездны)]

[Нагрузка на режущие органы: 78%]

[Износ резцов первого контура: 4.2%]

[Накоплено технологического опыта за смену: +18 450 ед.]

[Текущий запас эссенции охлаждения: 84%]

— Идет, родимый! Как по маслу идет! — Михалыч, вцепившись в рифленные рукояти управления, буквально слился со своим креслом. Его мускулистые руки, покрытые старыми мазутными татуировками и свежими ожогами от выбросов эфира, двигались с ювелирной точностью. Чуть сбавить подачу на левом секторе, добавить давление на нижние домкраты, компенсируя естественную просадку многотонной туши щита в плавуне... — Слышишь, командир? Спецификацию держит! Ни скрипа в редукторе, ни биения на валу!

— Не каркай под руку, Михалыч, — отозвался Берёзкин, не отрывая взгляда от центрального монитора маркшейдерской телеметрии. — Семёныч, что по лазерной директрисе?

Старый геодезист, прильнув к окуляру оптико-магического теодолита, установленного на выносной консоли десятого кольца, проворчал:

— Отклонение по горизонтали — два миллиметра вправо. По вертикали — ноль. Идешь строго по кривой сопряжения, Илюха. Нулевой репер держит горизонт железно, его даже гравитационные судороги Бездны с места не сдвинут. Только вот...

Семёныч вдруг замолчал. Его палец замер на микрометрическом винте наводки.

— Что там? — Илья моментально подобрался. Рука интуитивно легла на клавишу аварийной остановки конвейера.

— Глянь на спектральный эхо-локатор, — дед сплюнул на рифленный настил полосы, сдвинул на лоб защитные очки с толстыми кварцевыми линзами и нервно потер щетинистый подбородок. — Метрах в сорока впереди... Странная акустика. Порода не монолитная. Там полость. Причем рукотворная, мать ее за ногу! Не тектонический разлом, не лавовая трубка. Своды арочные, с перехватом.

Илья переключил тактический визор шлема в режим глубинного георадара:

[Активирован навык: «Геомеханическое чутье инженера» (Ур. 48)]

[Сканирование плотности массива на глубину до 100 метров...]

[Обнаружена пустота: Продольная выработка трапецевидного сечения]

[Внимание! Зафиксированы тепловые и энергетические сигнатуры!]

[Тип сигнатур: Живые существа (гуманоиды), техно-магические источники низкого давления, следы рунной гари]

[Анализ акустических колебаний: Взрывы пороховых зарядов, свист пневматики, лязг металла]

— Забой стоп! — рявкнул Берёзкин в селектор.

Михалыч среагировал мгновенно. Пальцы шелкнули тумблерами сброса, рычаги встали в нейтраль. Гидравлика облегченно выдохнула тоннами стравленного воздуха, планшайба ротора замедлила вращение и замерла, оперевшись зубьями в крошащийся камень. В наступившей тишине, нарушаемой лишь гудением трансформаторов да мерным капанием конденсата с тубинговой крепи, откуда-то из глубины глухой толщи базальта донеслись глухие, дробные удары.

Тра-та-та-тах! Бум!

Звук шел прямо через скалу.

— Автоматические мушкетеры, — безошибочно определил Михалыч, прижав ухо к холодному металлу корпуса щита. — Скорострельные, на рунных патронах. Свинцом поливают, как из лейки. И гранаты... горные, с добавкой толченого пирита.

— Кто-то пробивается к нам? — спросил подошедший Семёныч, перехватывая поудобнее тяжелую титановую рейку, больше похожую на двуручный лом.

— Нет, — Илья взгляделся в мерцающую синюю сетку проекции. — Они не знают, что мы здесь. Их загнали в тупиковый дренажный штрек. Старая, заброшенная выработка верхних ярусов. Еще метров пятнадцать нашего забоя — и мы бы вспороли ее стену ротором. Но у них нет этих пятнадцати метров. Их прижали к целику и добивают.

Берёзкин быстро оценил обстановку по системной сетке:

[Объект: Дренажная галерея № 8-Бис Заброшенных Горизонтов]

[Окружение: Группа разумных (14 единиц, статус: критическое истощение, множественные ранения)]

[Атакующие: Карательный отряд Верхней Цитадели (45 единиц: автоматы-ищейки, боевые химеры, надсмотрщики Дома Вольфрамового Клыка)]

[Вероятность выживания обороняющихся без внешнего вмешательства: 1.4%]

[Время до полного уничтожения: 2 минуты 15 секунд]

— Илья, у нас график, — тихо произнес Семёныч, но в глазах старого проходчика не было равнодушия — там горела холодная злость. — План — двадцать метров. Если вмешаться... это нарушение регламента проходки. Нецелевое использование ресурса комплекса.

— К черту такой регламент, Семёныч, где людей на убой ведут, — отрезал Илья. — К тому же, глянь на сигнатуры инструментов у обороняющихся. У них за спиной не мечи. У них баллоны высокого давления, калибровочные ключи и мобильные рунные перегонные кубы. Это спецы. Инженеры.

Берёзкин нажал общую тревогу. В тоннеле взвыла басовитая сирена, вспыхнули желтые проблесковые маяки.

— Бригада, внимание! Боевая тревога по первому разряду! Михалыч — ротор на реверс на пол-оборота, освободить резцы. Включить гидромониторы призабойной зоны на максимальное давление! Семёныч, готовь породопогрузочную машину и пневмопики. Вскрываем забой вручную, направленным гидроударом!

— Есть вскрывать вручную! — осклабилсЯ Михалыч. Его лицо расплылось в хищной усмешке. — Покажем этим вертухаям с верхних этажей, как работает советская гидроотбойка!

Илья активировал личный классовый интерфейс:

[Активирован профессиональный протокол: «Прорыв плывуна и ликвидация аварии»]

[Класс: Главный Инженер Бездны / Архитектор Подземных Магистралей]

[Все инженерные инструменты получают статус: Оружие прорыва фортификаций]

**[Урон горнопроходческой техники по живым и механическим целям: +350%]
[Эффект: Игнорирование 80% физической и рунной брони врага при работе в стесненных условиях штолен]**

Берёзкин прыгнул с мостика управления прямо на технологическую тележку, подхватил тяжелый гидроперфоратор с алмазной коронкой, подсоединенный толстым армированным шлангом к центральной магистрали комплекса. Рядом уже выстраивались четверо дюжих проходчиков в прорезиненных брезентовых робах и защитных касках с налобными карбидно-магическими фонарями.

— Бьем в правый нижний угол забоя, там перемычка всего полтора метра, песчанник сланцеватый! — скомандовал Илья. — По моей команде: гидроудар, затем выбиваем пробку! Пошли!

В полуразрушенном, задыхающемся от едкого серного дыма тупике старой штольни звенела смерть.

— Держи фланг, сыны наковальни! Не отступать, за нами только глухой гранит! — хрипел старый карлик с роскошной, но наполовину опаленной бородой, заплетенной в жесткие технические косы с вплетенными латунными гайками.

На плече гнома лежал тяжелый шестиствольный пневмопулемет, питаемый от треснувшего за спинного баллона. Из трещины с мерзким свистом хлестал сжиженный пар с запахом озона, обжигая кожу сквозь кожаный фартук. Механический протез правой руки гнома, собранный из бронзовых шестерен и поршней, дергался, с трудом компенсируя отдачу.

Рядом, припав на одно колено за импровизированной баррикадой из разбитых вагонеток, молодая гномка в защитном фартуке алхимика лихорадочно смешивала в стеклянной колбе дымящиеся реактивы:

— Мастер Торвальд! Алкагест на исходе! Осталось три заряда фосфорной смеси, а у них еще две боевые химеры и гребаный железный голем-цепной пес!

— Бросай под лапы псам, Брунгильда! — гаркнул Торвальд, давая длинную очередь в темноту штольни. Светящиеся кинетические болты выбили сноп искр из массивного щита наступающего железного автомата. — Лучше сдохнуть здесь, от собственного ядовитого газа, чем вернуться в плавильные казематы лорда Бальгазара! Никаких ошейников подчинения! Вольные инженеры не гнут спины перед вырожденками, которые не знают разницы между шагом резьбы и пределом текучести металла!

Из дыма впереди вынырнула кошмарная тварь — четырехногая химера, сшитая из плоти подземного варана и бронированных пластин черного железа, с алхимической горелкой вместо пасти. Она прыгнула прямо на баррикаду, разевающая пылающую пасть.

— Прощайте, предки... — прошептала Брунгильда, поднимая разбитую колбу с нестабильным нитро-эфиром, готовясь взорвать себя вместе с тварью.

И в этот миг глухая базальтовая стена позади них взорвалась.

Это не было похоже на обычный взрыв магии или динамита. Стена толщиной в полтора метра брызнула миллионом каменных осколков под воздействием титанического, чудовищного водяного клина. Струя бентонитовой эмульсии под давлением в четыреста атмосфер буквально вынесла кусок скалы внутрь штольни, ударив прямо в прыгнувшую химеру.

Тварь даже не успела взвизгнуть. Водяной столб, способный резать стальной лист, мгновенно расплющил плоть и металл чудовища о противоположную стену, превратив грозного зверя в бесформенную кашу из костей, шестеренок и ошметков чешуи.

— Что за... — Торвальд от неожиданности выронил пулемет, замирая с открытым ртом.

В образовавшийся гигантский пролом, сквозь клубы пара и каменную взвесь, шагнули исполинские силуэты. Но это были не демоны глубин и не прислужники лордов.

Впереди шел человек в темно-синей брезентовой робе метростроевца, поверх которой тускло мерцали рунные контуры распределения кинетической энергии. На голове — ярко-оранжевая каска с козырьком, из-под которой на мир холодно и расчетливо смотрели серые глаза бывшего командира. В руках человека мерно вибрировал тяжелый перфоратор, жало которого светилось голубой плазмой разряда.

— Бригада содействия, разойдись по стенам! — рявкнул пришелец гулким, командирским басом, усиленным встроенным динамиком. — Промывка забоя! Михалыч, дай парку!

Сзади человека выдвинулся раструб тяжелого промышленного шланга. Струя перегретого пара вперемишку с мелкой базальтовой крошкой ударила вглубь тоннеля, туда, где наступали опешившие автоматы и надсмотрщики лорда. Металлические панцири врагов раскались в секунду; механизмы заклинило от мгновенного расширения деталей, а боевые химеры взвыли от нестерпимой боли, слепнув и варясь заживо в собственном соку.

Следом из пролома выскочили четверо рабочих. Без пафоса, без рыцарских боевых кличей, с пугающей, выверенной технологической жестокостью они пустили в ход пневматические кирки и кайла. Удары наносились точно по уязвимым узлам: сочленениям манипуляторов, паровым клапанам, смотровым щелям автоматов. Это была не битва героев — это была скоростная утилизация неисправного металлолома на конвейере.

Командир карателей — высокий гуманоид в вычурных латах с гербом в виде окровавленной шестеренки, сжимавший зачарованный палаш, попытался взмахнуть клинком:

— Мятежники! Именем Верхней Палаты Рунных Баронов, я приказываю...

Илья Берёзкин даже не стал слушать. Сделав короткий шаг вперед, он ушел под удар палаша, сократил дистанцию и с размаху вогнал алмазную коронку работающего перфоратора прямо в нагрудную пластину командира — аккуратно в место расположения мано-накопителя.

[Критический урон: Разрушение энергоузла противника]

[Навык: «Точечный демонтаж конструкций» наносит 42 000 ед. чистого технологического урона]

Раздался треск, сноп ослепительно белых искр — и рыцарь Верхней Цитадели кулем осел на каменный пол. Остатки карателей, поняв, что столкнулись не с загнанными беглецами, а с непостижимой, давящей мощью неведомой индустриальной машины, в панике бросились бежать по штольне обратно к верхним горизонтам.

— Отставить преследование! — скомандовал Илья рабочим, опустив перфоратор. — Расход энергоносителей на этих клоунов закрыть. Семёныч, ставь временную деревянную крепь и глуши проход бентонитовой пробкой. Не хватало еще, чтобы сюда метан потянуло.

— Сделаем в лучшем виде, Илюха, — донесся веселый голос старого маркшейдера.

Берёзкин повернулся к застывшим в шоке гномам. Их было четырнадцать: израненные, покрытые копотью, в лохмотьях некогда добротной рабочей одежды из огнеупорной шкуры пещерных зубров, они смотрели на советского инженера так, словно перед ними спустился с небес древний бог-кузнец, только вместо наковальни притащивший с собой целый завод.

Торвальд сглотнул ком в горле, опираясь на свой дергающийся протез:

— Вы... вы кто такие во имя Семи Клапанов Давления? Это что... артефакт Первородных Титанов? Вы наемники Архимага?

Илья вытер тыльной стороной перчатки капли конденсата со лба, щелкнул замком шлема и откинул прозрачный щиток:

— Начальник проходческого участка номер четыре Илья Берёзкин. А это, — он мотнул головой в сторону сияющего в проломе гигантского ротора щита, — тоннелепроходческий комплекс «Архитектор Бездны-9М». Метрострой. Слышали про такое?

Гномы переглянулись. Брунгильда выронила колбу, которая чудом не разбилась о влажный песок.

— Метро... кто? — пробормотал Торвальд. — Подземные строители? Вы пробились через Монолит Шестого Круга... на такой дуре? Сквозь адамантовую жилу без взрывных печатей двенадцатого ранга?!

— По регламенту шли, — спокойно ответил Илья. — Скорость — сорок восемь миллиметров в минуту. Давление в норме. Ну а вы кто будете? И почему за вами боевые автоматы с карателями гоняются, нарушая все правила горного отвода?

Старый гном тяжело опустился на ящик из-под патронов, плечи его обмякли, но в глазах зажглась сумасшедшая, голодная искра профессионала:

— Я — Торвальд Железный Ворот. Бывший старший мастер-механик Королевских Гидравлических Доков Верхней Цитадели. А это — мои ребята. Лучшие слесари-лекальщики, прокатчики, турбинисты и вот... Брунгильда, ведущий специалист алхимической дистилляции огнестойких масел и хладагентов. Мы... мы беглые, начальник.

— Причина побега? — Илья достал из нагрудного кармана пачку папирос, чиркнул спичкой о шершавый бок перфоратора и глубоко затянулся.

— Рабство, — глухо каркнул Торвальд. — Верхние лорды совсем с катушек слетели. Магические аристократы решили, что законы сопромата и гидравлики можно переломить указом или пыточным заклинанием. Требовали строить парящие шпили и глубокие рудники без крепи! Мол, «укрепите рунами верности, холопы, железо слишком дорого стоит для черни». Заставляли работать по три смены подряд под парами стимуляторов мозга. Когда на третьем горизонте рухнул свод и завалило три сотни наших парней, а лорд Бальтазар просто приказал залить завал жидким стеклом, чтобы «не терять темп добычи мифрила»... мы подняли бунт.

Гном сжал металлический кулак так, что шестеренки в протезе жалобно заскрипели:

— Мы сорвали ошейники подчинения. Перебили охрану цеха, взорвали главные шлюзы и ушли в Заброшенные Штольни. Думали пробиться через Бездну к Вольным Землям, да куда там... Без тяжелого оборудования этот проклятый камень не взять. Нас загнали сюда, как крыс в водосток. Еще бы пять минут — и на куски порезали бы.

Илья молча курил, слушая гнома. В его голове складывалась четкая, ясная картина. Знакомая до боли, до скрипа на зубах. Эксплуататоры, плюющие на технику безопасности. «Эффективные менеджеры» магического разлива, для которых человеческие — и гномы — жизни были просто расходным материалом в отчетах.

В этот момент Системное окно перед глазами Берёзкина развернулось золотистым сиянием, какого он не видел с момента активации нулевого репера:

[Внимание: Уникальное событие фракционного масштаба!]

[К вашему трудовому коллективу выражает доверие группа специалистов экстра-класса: «Беглая Инженерная Гильдия Шестерен и Реактивов»]

[Состав группы:

- Мастер-механик высшей категории (Торвальд Железный Ворот)
- Главный технолог-алхимик мано-дисперсных сред (Брунгильда Серная Втулка)
- 12 старших мастеров-ремонтников, гидравликов и наладчиков точной механики]

[Кадровый потенциал бригады увеличивается на 420%!]

[Внимание: Принятие беглецов на баланс предприятия повлечет объявление войны со стороны фракции «Верхняя Цитадель: Дом Вольфрамового Клыка». Желаете принять специалистов в штат?]

Илья усмехнулся одними уголками губ, затушил окурок о подошву тяжелого ботинка и посмотрел на Торвальда:

— Техника безопасности, мастер Торвальд. Что ты о ней думаешь?

Гном моргнул, явно не ожидая такого вопроса:

— Чего? ТБ? Да она... она же кровью наших дедов написана! Каждое правило, каждый допуск по давлению котла, каждый болт на фланце — это чья-то разорванная плоть! За нарушение норм натяжения троса на подъемнике я лично готов руки отрывать!

Илья широко, по-доброму улыбнулся и протянул гному широкую мозолистую ладонь:

— Наш человек. Добро пожаловать в Метрострой Бездны, мастер Торвальд.

Гном недоверчиво протянул свою живую руку, перепачканную гарью, и крепко стиснул ладонь человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.